

Джейми Макгвайр

Весь этот свет

18+

«Это захватывающая история двух израненных сердец, которые находят утешение в дружбе, перерастающей в трогательную первую любовь».

Kirkus Reviews

Джейми Макгвайр

Весь этот свет

**Серия «Young Adult. Бестселлеры
романтической прозы»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59982290*

Весь этот свет: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-112668-1

Аннотация

Эллиотту было всего десять, когда он впервые увидел Кэтрин: красивую девочку со светло-русыми волосами. Таковую хрупкую и беззащитную... Эллиотт запомнил это мгновение на всю жизнь. Когда обоим исполнилось пятнадцать, они стали лучшими друзьями. Изгой среди сверстников, но столь близкие друг другу. И дружба переросла бы в нечто большее, если бы не обстоятельства: Эллиотт был вынужден оставить Кэтрин. Спустя время кажется, что их пути разошлись. Он – звезда школьного футбола, а она часто пропадает в гостинице своей матери. Эллиотт отчаянно пытается вернуть их дружбу... и ее сердце. Но страшная трагедия и то, что девушка надежно скрывает от всех, могут разрушить любой шанс на счастье, которое они так надеются обрести...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	22
Глава вторая	65
Глава третья	86
Глава четвертая	99
Глава пятая	109
Глава шестая	128
Глава седьмая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Джейми Макгвайр

Весь этот свет

Посвящается Идену Макгвайру, самому сильному человеку из всех, кого я имела честь знать.

Jamie McGuire
All the Little Lights

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Text copyright © 2018 by Jamie McGuire

All rights reserved.

© Cover illustration: @maxwbender / Unsplash

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Пролог

Эллиотт

На Джунипер-стрит росло около дюжины дубов, и на один из них я только что забрался. Я выбрал именно этого старого древесного гиганта, потому что он стоял совсем рядом с белым частоколом – достаточно высоким, чтобы я мог использовать его как ступеньку к самой низкой ветке. Не имело значения, что мои ладони, колени и голени покрылись царапинами и кровоточили после контакта с острой корой и ветвями. Ветер покусывал мои открытые раны, напоминая, что я боролся и победил. Правда, кровь мне докучала. И не потому, что я отличался брезгливостью, а лишь из-за того, что мне пришлось ждать, пока она остановится. В противном случае кровь грозила размазаться по моему новому фотоаппарату.

Через десять минут после того, как я угнездился на ветке и моя задняя часть зависла в двадцати футах над землей, малиновый цвет перестал затмевать все вокруг. Я улыбнулся. Наконец-то мне удалось найти нужный ракурс. Фотоаппарат был не новый, зато достался мне от тети авансом, в счет моего одиннадцатого дня рождения. Обычно я видел тетю спустя две недели после этого события, на День благодарения, но она терпеть не могла дарить мне подарки с опозданием.

Тетя Ли много чего не выносила и исключение делала только для меня и дяди Джона.

Я смотрел в объектив, перемещая его по бесконечным гектарам травы, пшеницы и пологих холмов. За заборами домов, стоявших вдоль улицы, на которой жила моя тетя, тянулась импровизированная дорога. Два следа от шин и полоска травы между ними – вот и вся граница, отделявшая дворы наших соседей от бескрайних полей пшеницы и рапса. Весьма однообразный пейзаж, но, когда заходящее солнце окрасило все вокруг оранжевыми, розовыми и пурпурными отсветами, мне показалось, что в целом мире нет места прекраснее.

Вопреки словам моей мамы, Дубовый ручей оказался не таким уж гиблым местом. Однако здесь ко многому были применимы слова «раньше» и «когда-то». Раньше в Дубовом ручье был торговый центр, на этом месте был магазин игрушек, а здесь стоял игровой автомат. Вокруг одного из парков когда-то располагались теннисные корты и пешеходная дорожка, но теперь от бывшего великолепия остались только пустые здания и заколоченные окна. Раньше мы приезжали сюда раз в два года, на Рождество, но потом мама и папа стали ссориться так часто, что порой даже дрались. По какой-то причине летом эти стычки учащались, а мама не хотела, чтобы я все это видел. В первый день летних каникул – после длившейся всю ночь драки с отцом – мама отвезла меня к дяде Джону и тете Ли. Я заметил, что она ни разу не сняла

солнечные очки, даже в доме. Тогда я сообразил, что меня привезли в гости не на денек, а на все лето, а когда распаковал чемодан, количество вещей в нем показало, что моя догадка верна.

Небо только начинало менять свой цвет, и я сделал несколько снимков, проверяя настройки. Тетю Ли едва ли можно было назвать мягкой и пушистой, но она переживала за меня достаточно, чтобы купить мне приличный фотоаппарат. Может быть, она надеялась, что я стану больше времени проводить на улице, но это не имело значения. Мои друзья просили игровые приставки и айфоны, после чего все эти вещи волшебным образом появлялись. Я нечасто получал то, о чем просил, поэтому фотоаппарат в моих руках стал не просто подарком. Фотоаппарат означал, что меня услышали.

Звук открывающейся двери отвлек меня от созерцания заходящего солнца. Я увидел, как из дома, мирно беседуя, выходят отец с дочерью и идут на задний двор. Мужчина нес что-то маленькое, завернутое в одеяло. Девочка шмыгала носом, по щекам у нее текли слезы. Я замер и затаил дыхание, боясь, что они меня увидят, и тем самым нарушится важность этого момента. Тут я заметил небольшую яму рядом со стволом дерева, возле которой громоздилась кучка красноватой земли.

– Осторожно, – предупредила девочка.

У нее были светло-русые волосы, глаза покраснели от плача, и благодаря этому контрасту зеленые радужки искрились,

как изумруды.

Мужчина опустил сверток в ямку, и девочка заплакала.

– Мне жаль, принцесса. Арахис был очень хорошим песиком.

Я плотно сжал губы, потому что смех сейчас был бы неуместен. И все же мне так и хотелось расхохотаться: кто, скажите на милость, додумался назвать покойную собаку Арахисом?

Снова хлопнула дверь: из дома выскочила какая-то женщина, ее темные вьющиеся волосы распушились от влажности. Она вытирала руки кухонным полотенцем.

– Я здесь, – выдохнула она, потом застыла, уставившись на яму. – Ой. Вы уже... – она побелела и повернулась к девочке. – Мне так жаль, дорогая, – мать девочки посмотрела на тело Арахиса, и тут, как назло, неплотно замотанное полотенце сдвинулось, и показалась собачья лапка. Похоже, при виде этого зрелища женщина расстроилась еще больше, – но я не могу... Я не могу остаться.

– Мэвис, – сказал мужчина, протягивая руку к жене.

У нее задрожала нижняя губа.

– Мне так жаль.

Она вернулась в дом.

Девочка посмотрела на отца.

– Ничего страшного, папа.

Он обнял дочь и привлек к себе.

– Похороны всегда давались твоей мамочке тяжело. Они

ее просто убивают.

– Арахис был ее ребенком еще до меня, – проговорила девочка. – Все в порядке.

– Что ж... нам следует произнести речь. Спасибо тебе, Арахис, что так любил нашу принцессу. Спасибо, что всегда сидел под столом и съедал овощи, которые она сама не желала есть...

Девочка посмотрела на отца снизу вверх, тот поглядел на нее, а затем продолжил:

– Спасибо, что долгие годы приносил палочки и мячи, спасибо за твою верность и...

– Спасибо за то, что спал на моей кровати, – проговорила девочка, утирая слезы. – Спасибо, что целовал меня, лежал у моих ног, пока я делала уроки, и всегда был рад меня видеть, когда я возвращалась домой.

Мужчина кивнул, потом взял прислоненную к забору лопату и начал засыпать яму землей.

Девочка прикрыла рот ладонью, чтобы заглушить рыдания. Когда отец закончил, они с дочерью немного постояли в молчании; затем девочка спросила, нельзя ли ей побыть одной. Отец разрешил, кивнув, и вернулся в дом.

Девочка присела возле свежей груды земли и рассеянно срывала травинки. Вид у нее был очень грустный. Мне хотелось направить на нее объектив и запечатлеть этот миг, но тогда она услышала бы щелчок фотоаппарата. Наверняка она подумала бы, что я тайком ее фотографирую, словно ка-

кой-то маньяк, так что я не шевелился, чтобы не мешать ей предаваться горю.

Она шмыгнула носом.

– Спасибо, что защищал меня.

Я нахмурился, гадая, от какой такой опасности Арахис оберегал эту девочку и нужна ли ей защита сейчас. Ей было примерно столько же лет, сколько мне, и я еще никогда не видел такой красивой девочки – во всяком случае, у нас в школе подобных ей не было. Я размышлял, что случилось с ее песиком и как долго она жила в этом огромном доме, тень от которого доходила до домов на другой стороне улицы, когда солнце сдвигалось к западу. Меня беспокоило, что она сидит на траве, возле могилы своего мертвого пса, потому что рядом с ним чувствует себя в большей безопасности, чем в собственном доме.

Солнце скрылось из виду, и на землю опустилась ночь: застрекотали сверчки, в кронах дубов зашептал о чем-то ветер. У меня в животе заурчало. Тетя Ли наверняка спустит с меня шкуру за то, что я пропустил ужин. Но девочка все еще сидела возле могилы своего друга, а я решил, что ни за что не побеспокою ее.

Прошло, наверное, около часа.

Задняя дверь дома открылась, и двор озарился теплым желтым светом.

– Кэтрин? – позвала Мэвис. – Пора идти домой, золотце. Твой ужин остывает. Утром ты снова сможешь выйти.

Кэтрин повиновалась: встала и пошла к дому. Уже на крыльце она остановилась и оглянулась, а потом вошла внутрь. Когда дверь закрылась, я задумался над тем, что именно она хотела увидеть. Возможно, напоминала себе, что все случившееся реально, и Арахис ушел от нее навсегда, а может, в последний раз просталась со своим любимцем.

Я медленно спустился по стволу, добрался до забора и прыгнул на другую сторону. Когда я пошел по дорожке, под моими ногами громко захрустел гравий, и несколько соседских собак раздраженно загавкали в темноте. Остаток пути я пределал без помех – проблемы поджидали меня дома.

На пороге стояла тетя Ли, скрестив на груди руки. Сначала она выглядела встревоженной, но стоило ей увидеть меня, как ее глаза засверкали от гнева. Тетя уже переделалась в халат – наглядная демонстрация того, насколько я припозднился. Одна седая прядь выбилась из ее густой каштановой шевелюры.

– Простите? – с надеждой спросил я.

– Ты пропустил ужин, – заявила тетя, распахивая дверь. Я вошел в дом, а тетя пошла следом. – Твоя тарелка в микроволновке. Ешь, а потом можешь рассказать, где ты был.

– Да, мэм.

Я поспешно прошмыгнул мимо тети, обогнул овальный деревянный стол, влетел в кухню, открыл микроволновку и увидел внутри накрытую фольгой тарелку. Рот у меня моментально наполнился слюной.

– Сними... – начала было тетя Ли, но я уже сорвал с тарелки фольгу, захлопнул дверцу и нажал на панели кнопку «два».

Я наблюдал, как тарелка вращается, озаренная теплым желтым светом. Стейк зашкворчал, а подливка вокруг горки картофельного пюре начала пузыриться. Я потянулся к ручке дверцы, чтобы открыть микроволновку, но тетя Ли рывкнула:

– Рано!

У меня заурчало в животе.

– Если ты такой голодный, почему не пришел домой пораньше?

– Застрял на дереве.

Микроволновка закончила свою работу, и в ту же секунду я распахнул дверцу.

– Застрял на дереве?

Тетя Ли протянула мне вилку и вслед за мной прошла к столу.

Я запихнул в рот первый кусок и замычал от удовольствия. Затем поскорее подцепил вилкой пюре и отправил в рот, пока тетя Ли не задала мне новый вопрос. Моя мама вкусно готовила, но чем старше я становился, тем сильнее меня мучил голод. Неважно, сколько раз в день я ел и как много пищи поглощал, я никогда не чувствовал сытости. Еда – любая еда – не задерживалась у меня в желудке надолго.

Тетя Ли состроила гримасу, а я наклонился над тарелкой,

чтобы сократить расстояние между ней и своим ртом.

– А ну-ка объяснись, – потребовала тетя Ли. Я не прекращал забрасывать в рот пюре, и тогда она отодвинула от меня тарелку и коснулась моего запястья. – Эллиотт, не заставляй меня спрашивать дважды.

Я согласно кивнул, пытаясь поскорее прожевать и проглотить.

– Перед огромным домом в конце улицы растет дуб. Я на него залез.

– И что?

– И пока я на нем сидел, выбирая момент для удачного кадра, из дома вышли люди.

– Кэлхуны? Они тебя видели?

Я покачал головой и, воспользовавшись паузой, быстро отправил в рот еще кусочек мяса.

– Ты ведь знаешь, что это начальник дяди Джона, да?

Я перестал жевать.

– Нет.

Тетя Ли откинулась на спинку стула:

– И угораздило же тебя выбрать именно этот дом.

– Они показались мне милыми... и грустными.

– Почему?

По крайней мере, на минуту тетя забыла, что ей положено сердиться.

– Они что-то закапывали на заднем дворе. Думаю, свою умершую собаку.

– Ох, какая жалость, – пробормотала тетя Ли, явно пытаюсь отыскать в своей душе сочувствие к горю соседей. У нее не было ни детей, ни собак, и, по-моему, такое положение дел ее вполне устраивало. Она почесала затылок – Звонила твоя мама.

Я кивнул и продолжил есть. Тетя терпеливо ждала, пока я прикончу свой ужин, потом напомнила, что полагается воспользоваться салфеткой.

– Чего она хотела?

– Похоже, они с твоим отцом помирились. У нее был счастливый голос.

Я отвел глаза и стиснул зубы.

– Поначалу всегда так кажется, – я снова посмотрел на тетю. – Синяк у нее под глазом сошел?

– Эллиотт...

Я встал, взял тарелку с вилкой и поставил в раковину.

– Ты ему сказала? – В коридоре стоял, почесывая круглый живот, дядя Джон, облаченный в темно-синюю пижаму, которую тетя Ли подарила ему на прошлое Рождество. Тетя кивнула. Дядя посмотрел на меня понимающе. Очевидно, он оценил отразившееся на моем лице отвращение. – Да, нам это тоже не нравится.

– В настоящий момент, – сказала тетя Ли, скрещивая руки на груди.

– Вы про маму? – спросил я. Дядя Джон кивнул. – Это чужь собачья.

– Эллиотт! – одернула меня тетя.

– Нам просто не нравится, что мама возвращается к тому, кто ее бьет. Что тут такого? – возмутился я.

– Он твой отец, – заметила тетя Ли.

– И что это меняет? – пробурчал дядя Джон.

Тетя Ли вздохнула и потерла лоб кончиками пальцев.

– Ей не понравится, что мы обсуждали это с Эллиоттом.

Если мы хотим, чтобы он и впредь к нам приезжал...

– Вы хотите, чтобы я к вам приезжал? – удивился я.

Тетя Ли снова скрестила руки на груди, всем своим видом показывая, что не бросит мне эту косточку. Любое проявление эмоций страшно ее сердило. Возможно, потому, что, теряя контроль над своими чувствами, она ощущала себя слабой и уязвимой. Какова бы ни была причина, тетя Ли неизменно отказывалась говорить о том, что вызывало у нее любые эмоции, кроме злости.

Дядя Джон улыбнулся.

– Каждый раз после твоего отъезда она на целый час забирается у себя в спальне.

– Джон, – прошипела тетя Ли.

Я улыбнулся, но улыбка быстро сошла с моего лица. Свежие царапины болели, и это напомнило мне об увиденном ранее.

– Как думаете, у той девочки все хорошо?

– У дочки Кэлхунов? – спросила тетя Ли. – Почему тебя это волнует?

Я пожал плечами.

– Не знаю. Просто видел нечто странное, пока застрял на дереве.

– Ты застрял на дереве? – поразился дядя Джон.

Тетя Ли отмахнулась от мужа и подошла ко мне.

– Что ты видел?

– Я не уверен. Ее родители показались мне милыми людьми.

– Да, они чудо, – фыркнула тетя Ли. – В школе Мэвис была избалованной врединой. Благодаря заводу по выплавке цинка ее семья владела половиной города, но предприятие закрылось, а все его владельцы один за другим умерли от рака. Тебе известно, что этот проклятый цинк отравил здесь все грунтовые воды? Против их семьи возбудили дело, судебный процесс был очень громкий. В итоге у Мэвис остался только этот дом. Знаешь, когда-то его называли особняком Ван Митеров, но, после того как Мэвис вышла замуж за паренька Кэлхунов, название изменили. Ван Митеров здесь все ненавидели.

– Печально, – сказал я.

– Разве? Ван Митеры отравили этот город. Половина населения борется с раком или его последствиями. Как по мне, так это меньшее, чего заслуживала эта семейка, особенно если принять во внимание их отношение к окружающим.

– Мэвис плохо к вам относилась? – спросил я.

– Нет, но с твоей мамой и дядей Джоном она вела себя

отвратительно.

Я нахмурился.

– И ее муж – начальник дяди Джона?

– Он хороший человек, – заверил меня дядя Джон, – его все любят.

– А что насчет девочки? – спросил я. Дядя понимающе улыбнулся, и я покачал головой. – Неважно.

Он мне подмигнул.

– Она хорошенькая, да?

– Неа, – я прошел мимо тети с дядей, открыл дверь в подвал и спустился по лестнице. Тетя Ли миллион раз спрашивала, не сделать ли в подвале ремонт, не купить ли новую мебель и ковер, но я приезжал к ним домой редко, так что не переживал из-за обстановки. Для меня имел значение только фотоаппарат, к тому же дядя Джон отдал мне свой старый ноутбук, чтобы я тренировался обрабатывать фотографии в графическом редакторе. Я загрузил сделанные недавно фото и взялся за дело, но никак не мог сосредоточиться. Я все думал про странную девочку и ее семью.

– Эллиотт? – позвала меня тетя Ли. Я вскинул голову, посмотрел на маленькие черные квадратные часы, стоявшие рядом с ноутбуком, и ахнул. Я не заметил, как прошло целых два часа.

– Эллиотт, – повторила тетя Ли. – Звонит твоя мама.

– Я перезвоню ей через минуту! – крикнул я.

Тетя Ли спустилась по ступенькам, держа в руке мобиль-

ный телефон.

– Она говорит, если ты хочешь получить собственный мобильный, тебе придется воспользоваться моим, чтобы с ней поговорить.

Тяжело вздохнув, я встал и добрал до тети Ли. Взяв у нее телефон, я нажал кнопку громкой связи, положил его на стол и вернулся к работе.

– Эллиотт? – сказала мама.

– Привет.

– Я... м-м-м... Я поговорила с твоим папой. Он вернулся.

Передал тебе, что ему жаль.

– Так чего же он сам не скажет? – проворчал я.

– Что?

– Ничего.

– Ты не против его возвращения?

Я откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

– Какое это имеет значение? Вряд ли тебе интересно мое мнение, тебе на него наплевать.

– Мне не наплевать, Эллиотт. Именно поэтому я звоню.

– Как твой синяк?

– Эллиотт, – прошипела тетя Ли, делая шаг вперед.

Мама ответила не сразу.

– Лучше. Твой папа обещал...

– Он всегда обещает, а потом начинает сердиться и не держит слово.

Мама вздохнула.

– Знаю, но я должна попробовать.

– А может, это тебе следует предложить ему попробовать снова?

Мама молчала некоторое время.

– Я уже с ним поговорила. Он знает, что это его последний шанс. Он старается, Эллиотт.

– Не так уж трудно не распускать руки и не бить женщин. Если он не может сдерживаться, пусть уходит. Так ему и передай.

– Ты прав. Знаю, ты прав. Я ему передам. Люблю тебя.

Я стиснул зубы. Мама знала, что я люблю ее, но ей пора было запомнить – мое признание в ответ не означает, что я с ней согласен и одобряю возвращение папы.

– Я тоже тебя люблю.

Мама издала смешок, но в нем не слышалось радости.

– Все будет хорошо, Эллиотт, обещаю.

Я сморщил нос.

– Не надо. Не давай обещаний, если не сможешь их сдерживать.

– Иногда жизнь идет не так, как нам бы хотелось.

– Пустые обещания – это плохо, мама.

Она вздохнула.

– Порой я задаюсь вопросом: кто из нас кого воспитывает? Сейчас ты не понимаешь, Эллиотт, но однажды поймешь. Я позвоню завтра, хорошо?

Я покосился на тетю Ли. Она стояла на нижней ступеньке

лестницы, и даже в приглушенном свете было видно, что она смотрит на меня неодобрительно.

– Ага, – сказал я. Мои плечи поникли. Учить мою мать уму-разуму бесполезно, но я все равно чувствовал себя виноватым. Каждый раз, когда терпел неудачу. Я дал отбой и протянул тете ее мобильный. – Не смотрите на меня так.

Тетя указала на свой нос, потом кончиком пальца нарисовала в воздухе невидимый круг вокруг своего лица.

– Думаешь, это из-за тебя у меня такое выражение лица? Можешь мне не верить, Эллиотт, однако я считаю, что ты прав.

Я ждал продолжения, ждал, что тетя меня отчитает, но она молчала.

– Спасибо, тетя Ли.

– Эллиотт?

– Да?

– Если ты считаешь, что той девочке нужна помощь, ты скажешь мне об этом, правда?

Я пристально посмотрел на нее, потом кивнул.

«Буду за ней присматривать».

Глава первая

Кэтрин

Девять окон, две двери, веранда, опоясывающая весь дом, и два балкона – вот как выглядел наш двухэтажный особняк в викторианском стиле на Джунипер-стрит. Облупившаяся синяя краска и пыльные окна словно пели пронзительную песню о веке безжалостных лет и суровых, морозных зим, которые пережил этот дом.

Что-то едва ощутимо кольнуло меня в щеку, а в следующую секунду я сильно шлепнула себя по лицу ладонью, так что кожу обожгло болью. Я прихлопнула черное насекомое, ползавшее по моему лицу. Паразит хотел попробовать на вкус капли пота, выступившие у меня на лбу. Папа всегда говорил, что я и мухи не обижу, но наблюдение за домом, наблюдавшим за мной в ответ, творило с моим разумом странные вещи. Страх – неукротимое чудовище.

Цикады пронзительно стрекотали от жары, и я закрыла глаза, пытаясь отвлечься от их назойливого пения. Я терпеть не могла плач, жужжание насекомых, звук высыхающей под палящим солнцем земли. Я только что вернулась из школы, остановилась в нашем дворе и скинула на землю свой темно-синий рюкзак из «Уолмарта». Плечи у меня болели: я шла через весь город пешком, а рюкзак был тяжелый. Повеял лег-

кий ветерок, и несколько прядей волос упали мне на лоб. Скоро мне придется войти в дом.

Несколько минут я уговаривала себя быть сильной: войти внутрь, вдохнуть душный пыльный воздух и подняться по скрипящей лестнице, как вдруг на заднем дворе раздался какой-то ритмичный стук, и у меня появился благовидный предлог не входить в двойные деревянные двери.

Я пошла на этот звук: будто кто-то рубил топором дерево или стучал молотком по кости. Завернув за угол дома, я увидела дочерна загорелого паренька. Он бил окровавленным кулаком по стволу нашего старого дуба, вот только дерево было раз в пять крепче своего обидчика.

Редкие листья дуба не защищали незваного гостя от солнца, но он все равно стоял там в своей промокшей от пота футболке, которая явно была ему мала. Паренек не то онемел, не то слишком глубоко ушел в себя, но когда его глаза обратились ко мне, я не смогла отвести взгляд.

Я приставила ладонь козырьком ко лбу, потому что из-за солнечного света мальчишка казался мне темным силуэтом. Через несколько мгновений я смогла разглядеть его очки в круглой оправе и резко очерченные скулы. Похоже, он решил отказаться от безнадежного поединка с деревом, наклонился и поднял лежащий на земле фотоаппарат. Затем он встал и просунул голову в петлю черного широкого ремня, прикрепленного к камере. Повесив ее на грудь, он запустил пятерню в сальные волосы, доходившие до плеч, и сказал:

– Привет.

Когда он открыл рот, его металлические брекеты блеснули на солнце.

«Весьма глубокомысленное замечание для человека, который на досуге колотит деревья».

Трава щекотала мои ступни, шлепанцы хлопали меня по босым пяткам. Я подошла еще на несколько шагов, гадая, кто этот тип и почему он стоит у нас во дворе. Какое-то внутреннее чутье побуждало меня бежать, но я сделала еще шаг. Мне случалось сталкиваться с куда более страшными вещами.

Мое любопытство почти всегда одерживало верх над здравым смыслом. Папа часто говорил, что оно роднит меня с кошкой из детской поучительной сказки, которую сгубила именно эта черта характера. Желание выяснить правду подталкивало меня вперед, но незванный гость не двигался и не говорил ни слова, терпеливо ожидая, пока стремление приоткрыть завесу тайны пересилит мое чувство самосохранения.

– Кэтрин! – раздался голос моего отца.

Паренек не вздрогнул, только прищурился под яркими лучами солнца и спокойно наблюдал, как я замерла на месте, услышав свое имя.

Я попятилась, схватила рюкзак и побежала к переднему крыльцу.

– Там какой-то парень, – выпалила я, тяжело дыша, – на

нашем заднем дворе.

Папа по своему обыкновению был одет в белую рубашку, широкие брюки и галстук, неплотно охватывающий шею. Темные волосы уложены гелем, усталые, но добрые глаза смотрели на меня так, будто я только что совершила нечто удивительное – если годовичное обучение в старшей школе можно назвать героическим поступком, то, наверное, отец был прав.

– Парень, говоришь? – переспросил папа и вытянул шею, делая вид, будто заглядывает за угол. – Из школы?

– Нет, но я уже видела его недалеко от нашего дома. Это тот тип, который подстригает газоны.

– Ах, вот как, – протянул папа, снимая рюкзак с моего плеча. – Это племянник Джона и Ли Янгбладов. Ли говорила, что он иногда гостит у них летом. Ты никогда с ним не говорила?

Я покачала головой.

– Значит ли это, что парни больше не грубияны? Не могу сказать, что счастлив это слышать.

– Папа, почему он на нашем заднем дворе?

Папа пожал плечами.

– Он устраивает там погром?

Я покачала головой.

– Тогда мне не интересно, почему он у нас во дворе, Кэтрин. Весь вопрос в том, почему тебя это так волнует?

– Потому что он – посторонний, вторгшийся на нашу

частную собственность.

Папа бросил на меня быстрый взгляд.

– А он симпатичный?

Я скорчила гримасу, всем своим видом выражая отвращение.

– Фу, папы не должны спрашивать о таком. И нет, он вовсе не симпатичный.

Папа перебрал письма, которые держал в руках, его губы слегка изогнулись в довольной усмешке.

– Я просто так спросил.

Я обернулась и внимательно оглядела полоску травы, зеленевшую между нашим участком и бесплодным куском земли, некогда принадлежавшим Фентонам. После того как вдова мистера Фентона умерла, ее дети снесли дом. Мамочка как-то сказала, что очень рада такому исходу, потому что перед их домом вечно чем-то смердело. Трудно представить, что в таком случае творилось внутри дома: наверное, стояла жуткая вонь, словно там кто-то умер.

– Я тут подумал, – проговорил папа, открывая стеклянную дверь. – Может, покатаемся в эти выходные на «Бьюике», а то он застоялся.

– Ладно, – ответила я.

Интересно, что он задумал?

Папа повернул ручку и открыл дверь, взмахом руки предлагая мне войти.

– Я думал, ты обрадуешься. Тебе же скоро сдавать на пра-

ва, разве нет?

– То есть ты имел в виду, что я покатаюсь на «Бьюике»?

– А почему бы нет?

Я прошла мимо него в прихожую и бросила на пол рюкзак, полный учебников и тетрадей, оставшихся от учебного года.

– Полагаю, в этом нет смысла. У меня все равно не будет своей машины.

– Ты можешь ездить на «Бьюике».

Я выглянула в окно, чтобы проверить, там ли еще тот мальчик и продолжает ли он избивать деревья.

– Но ведь на «Бьюике» ездил ты.

Папа скорчил рожицу, показывая, что уже устал спорить.

– Ты можешь ездить на «Бьюике», когда я этого не делаю. Тебе нужно учиться водить, Кэтрин. Рано или поздно у тебя появится своя машина.

– Хорошо, хорошо, – уступила я. – Просто я имела в виду, что никуда не спешу. Нам не обязательно делать это в эти выходные. Знаешь... если ты занят.

Папа чмокнул меня в макушку.

– Для тебя я всегда свободен, принцесса. Нам стоит прибраться на кухне и приготовить ужин до того, как мамочка вернется с работы.

– Почему ты так рано пришел домой? – поинтересовалась я.

Папа игриво взъерошил мои волосы.

– Ты сегодня так и сыплешь вопросами. Как прошел по-

следний день в девятом классе? Полагаю, домашнего задания у тебя нет. Собираешься встретиться с Минкой и Оуэном?

Я покачала головой.

– Миссис Вауэл попросила нас прочитать не меньше пяти книг за это лето. Минка собирает вещи, а Оуэн уезжает в научный лагерь.

– Ах, да. У семьи Минки есть дом на Ред-Ривер. Совсем забыл. Ну, ты сможешь проводить время с Оуэном, когда он вернется.

– Ага, – протянула я, не зная, что еще сказать. Сидеть рядом с огромным плоским экраном Оуэна и наблюдать, как он играет в недавно вышедшую видеоигру? Не так я себе представляла веселые летние каникулы.

Минка и Оуэн были моими единственными друзьями еще с первого класса. Нас всех тогда заклеямили чудаками. Рыжие волосы и веснушки Минки принесли ей немало горя, но в шестом классе она организовала команду поддержки, и это добавило ей очков в глазах окружающих. Оуэн проводил большую часть времени перед телевизором, играя в видеоигры, но его истинной страстью была Минка. Бедняга был обречен навечно остаться ее лучшим другом, и мы все делали вид, будто он вовсе не влюблен в нее.

– Итак, это ведь будет нетрудно, правда? – спросил папа.

– Что?

– Книги.

– Ах, – я вернулась в настоящее. – Да, это легко.

Папа покосился на мой рюкзак.

– Лучше убери это. Мамочка устроит скандал, если споткнется о твои вещи.

– Все будет зависеть от того, в каком настроении она вернется домой, – проворчала я, но рюкзак подняла и прижала к груди.

Папа всегда спасал меня от мамочки.

Я посмотрела на лестницу. Солнечные лучи лились в окно, расположенное в конце коридора. Пылинки танцевали в ярком свете, и, глядя на них, я чувствовала себя так, словно стоит затаить дыхание. Воздух был спертый и застоявшийся, как обычно, но из-за жары дышать было еще тяжелее. Капля пота скатилась по моей шее и мгновенно впиталась в хлопковую рубашку.

Поднявшись по лестнице, деревянные ступеньки которой жалобно скрипели, хотя мой вес не превышал пятидесяти килограммов, я прошла в свою комнату и положила рюкзак на узкую кровать.

– Кондиционер работает? – спросила я, сбегая вниз по лестнице.

– Нет. Выключил, уходя из дома, чтобы не увеличивать наши счета.

– В доме совершенно нечем дышать.

– Я только что включил кондиционер, сейчас станет попрохладнее, – папа глянул на висевшие на стене часы. – Твоя

мамочка вернется через час. Давай-ка поторопимся.

Я схватила яблоко из стоявшей на столе миски, откусила кусок и стала жевать. Наблюдала, как папа засучивает рукава и идет к раковине, чтобы вымыть руки после рабочего дня. Похоже, сегодня они были особенно грязные – он мыл их очень долго.

– Папа, у тебя все хорошо?

– Конечно.

– Что на ужин? – невнятно произнесла я, хрустя яблоком.

– Это ты мне скажи. – Я состроила гримасу, и папа рассмеялся. – Мое коронное блюдо: курица чили с белой фасолью.

– Сейчас слишком жарко для чили.

– Ладно, тогда как насчет тако со свининой?

– Не забудь кукурузу, – напутствовала его я, выбросила огрызок в ведро и тоже подошла к раковине.

Открыв горячий кран, я наполнила раковину, налила в нее моющего средства и, слушая, как в кухне булькает и пузырится вода, прошла по комнатам первого этажа, собирая грязную посуду. Проходя через гостиную в дальней части дома, я выглянула в окно, высматривая мальчишку. Он сидел под дубом и смотрел на поле, расположенное за нашим домом, сквозь объектив своего фотоаппарата.

Интересно, как долго он собирается торчать здесь?

Мальчишка вдруг повернулся и посмотрел прямо на меня, направил фотоаппарат на окно и сделал снимок, после чего

опустил камеру и снова уставился на меня. Я попятилась, не понимая, смущена или напугана.

Вернувшись в кухню, я опустила собранную посуду в раковину и принялась ее отмывать. Вода плескала мне на рубашку, и пока я расправлялась с посудой, папа замариновал буженину и поставил ее в духовку.

– Значит, для чили сейчас слишком жарко, но работающая духовка тебя не смущает, – поддразнил меня папа. Он повязал на талии мамочкин фартук. Его желтая ткань в цветочек была почти того же цвета, что и обои с узором на стенах комнат первого этажа.

– Выглядишь как стилияга, папа.

Он проигнорировал мою издевку, открыл холодильник и взмахнул рукой, точно фокусник.

– Я купил пирог.

Морозилка натужно загудела, борясь с притоком теплого воздуха. Холодильник, как и сам дом со всей его обстановкой, был в два раза старше меня. Папа говорил, что вмяти-на на его двери, в нижней ее части, добавляет холодильнику шарма. На некогда белых дверцах пестрели многочисленные магниты, привезенные из мест, в которых я никогда не бывала. В некоторых местах темнели следы от стикеров, которые мамочка прилепила еще ребенком, а повзрослев, отодрала. Этот холодильник напоминал мне нашу семью: невзирая на внешность, все части работали слаженно и никогда не сдавались.

– Пирог? – переспросила я.

– Дабы отпраздновать твой последний день в девятом классе.

– Это действительно повод для торжества. Целых три месяца без Пресли и ее клонов.

Папа нахмурился.

– Дочка Брубейкеров все еще тебя достает?

– Пресли ненавидит меня, папа, – сказала я, надраивая тарелку, – и всегда ненавидела.

– О, а я помню времена, когда вы были подружками.

– В детском саду все друг с другом дружат, – проворчала я.

– Как по-твоему, что же случилось? – спросил папа, закрывая холодильник.

Я повернулась к нему. Меня совершенно не прельщала перспектива шаг за шагом вспоминать, как менялось отношение Пресли ко мне.

– Когда ты купил пирог?

Папа захлопал глазами и передернул плечами.

– Что, золотце?

– Ты что, взял выходной?

Папа улыбнулся своей самой лучезарной улыбкой, совершенно не отражавшейся в его глазах. Он пытался защитить меня от чего-то, с чем, по его мнению, пятнадцатилетняя девушка не справится.

Грудь сдавило нехорошее предчувствие.

– Тебя уволили.

– Время сейчас такое, малышка. Цена на нефть снижается уже несколько месяцев подряд. Из семидесяти двух сотрудников нашего отдела пока уволили только меня, но завтра сокращений будет больше.

Я уставилась на тарелку, наполовину утопленную в мыльной воде.

– Ты не просто один из семидесяти двух человек.

– Мы прорвемся, принцесса. Обещаю.

Я смыла с рук пену, посмотрела на часы и поняла, почему папа беспокоился о времени. Скоро вернется мамочка, и ему придется все ей рассказать. Папа всегда защищал меня от нее, а я неизменно старалась делать то же самое для него, но на этот раз у меня не получится смягчить ее гнев.

А мы только начали привыкать к тому, что, сидя за ужином, мамочка снова смеется, вместо того чтобы обсуждать неоплаченные счета.

Я поставила чистую тарелку на стол.

– Я тебе верю. Ты что-нибудь найдешь.

Отец похлопал меня по плечу, и его широкая ладонь показалась мне очень мягкой.

– Конечно найду. Заканчивай с посудой и вытри столы, а потом вынеси мусор, хорошо?

Я кивнула и прижалась к нему, а он чмокнул меня в щеку.

– Твои волосы отрастают, это хорошо.

Мокрыми пальцами я откинула со лба несколько рыжеватых-каштановых прядей.

– Может быть.

– Ты собираешься наконец отрастить их подлиннее? – с неприкрытой надеждой в голосе спросил папа.

– Я знаю, тебе нравится, когда они длинные.

– Виноват, – фыркнул папа, слегка подталкивая меня в бок. – Но ты сама решай, какая длина лучше, это же твои волосы.

Взглянув на часы, я начала двигаться быстрее. Я все гадала, почему папа так хочет, чтобы по возвращении мамочка увидела прибранный дом и ужин на столе.

«К чему создавать ей хорошее настроение, если потом его придется испортить?»

На протяжении последних нескольких месяцев мамочка беспокоилась из-за отцовской работы. Жизнь в нашем городке, некогда являвшем собой тихую гавань для пенсионеров, теперь становилась все хуже и хуже: слишком много людей и слишком мало рабочих мест. Большой нефтеперегонный завод в соседнем городе попал под программу слияния, и большинство офисов уже перевели в Техас.

– Мы съедем отсюда? – спросила я, убирая в шкафчик последнюю сковороду. Эта мысль зажгла в моей душе искру надежды.

Папа крякнул.

– На переезд нужны деньги. В этом старом доме семья твоей мамочки жила с 1917 года. Пожалуй, она никогда меня не простит, если мы его продадим.

– Мы вполне могли бы его продать, он все равно слишком большой для нас.

– Кэтрин?

– Да?

– Смотри, при мамочке не заикайся о продаже дома, хорошо? Ты только расстроишь ее еще больше.

Я кивнула и стала протирать столешницы. Мы заканчивали уборку в молчании. Папа, очевидно, слишком глубоко погрузился в собственные невеселые мысли. Наверное, он прикидывал, как именно сообщить мамочке сегодняшние новости. Я решила оставить его в покое. Невооруженным взглядом было видно, что он нервничает, и при виде его неуверенности мне тоже стало не по себе. Обычно он блестяще умел гасить внезапные вспышки гнева и бессмысленные tirades мамочки. Как-то раз он проговорился, что стал в этом деле настоящим профессионалом в результате многолетних, еще со старшей школы, тренировок.

Когда я была маленькой, папа укладывал меня спать и часто рассказывал, как влюбился в мамочку. Не прошло и недели с начала девятого класса, как он пригласил ее на свидание и всегда защищал от травли, обрушившейся на всю ее семью. Побочные продукты просочились в почву, а оттуда в подземные воды, и каждый раз, когда заболела чья-то мама, каждый раз, когда у кого-то диагностировали рак, это была вина Ван Митеров. Папа говорил, что мой дедушка был жестоким человеком, но больше всех от него доставалось мамочке. По-

сле его смерти все вздохнули с облегчением. Отец предупредил, чтобы я никогда не заговаривала с мамочкой о дедушке и терпеливо относилась к ее «вспышкам», как он сам их называл. Я изо всех сил старалась не обращать внимания на ее поведение и на язвительные комментарии, которыми мамочка то и дело осыпала папу. Жестокое обращение, пережитое в детстве, навсегда отпечаталось в ее глазах и не исчезло даже спустя двадцать лет после смерти дедушки.

Гравий на подъездной дорожке захрустел под колесами автомобиля, и этот резкий звук выдернул меня из задумчивости. Дверь со стороны водительского сиденья была открыта, мамочка, наклонившись, доставала что-то из-под сиденья. Я сошла с крыльца, держа в руках пакеты с мусором, а мамочка все еще лихорадочно что-то искала.

Я положила пакеты в мусорный контейнер, стоявший возле гаража, закрыла крышку и вытерла ладони о свои джинсовые шорты.

– Как прошел последний день в девятом классе? – спросила мама, вешая на плечо сумочку. – Ты, наконец, отмучилась?

Она улыбнулась, отчего на ее круглых розовых щеках появились ямочки, и осторожно зашагала по подъездной дорожке, перенося вес на мыски, чтобы высокие каблуки не увязли в гравии. В одной руке мамочка держала пакетик из аптеки, который уже был открыт.

– Счастье, что год закончился, – сказала я.

– Неужели все было настолько плохо?

Сжимая в руке ключи, она чмокнула меня в щеку, потом резко остановилась возле крыльца. Ее колготки порвались, и от колена вверх тянулась «стрелка», скрываясь под юбкой. Мамочка наклонилась, темная прядь волос выбилась из ее пучка и упала на лицо.

– А как... прошел твой день? – спросила я.

Моя мать работала в драйв-ин отделении «Первого банка» с тех пор как ей исполнилось девятнадцать лет. Дорога от работы до дома занимала двадцать минут, и мамочка использовала это время, чтобы прокатиться с ветерком и расслабиться. Однако лучше всего ее успокаивала возможность снисходительно назвать двух своих сослуживиц уродинами. Если клиенты желали получить обслуживание, не выходя из машины, они подъезжали не к основному зданию банка, а к маленькой боковой пристройке. Очевидно, если несколько женщин день за днем работают в таком тесном помещении, любые разногласия между ними воспринимаются гораздо острее, быстро разрастаясь до масштабов вселенской катастрофы.

Чем дольше мамочка там работала, тем больше принимала таблеток. Судя по открытому пакету в ее руках, день у мамы выдался неудачный, и причиной тому могло стать одно лишь воспоминание о том, что жизнь идет не так, как ей бы того хотелось. Мамочка имела склонность концентрироваться на негативе. Она пыталась измениться. Книги вроде «По-

иск душевного равновесия» и «Заставьте злость работать на вас» занимали почти все наши книжные полки. Мамочка медитировала и подолгу принимала ванны, слушая успокаивающую музыку, вот только ее злость от этого никуда не исчезала. Ее гнев постоянно кипел, рос и ждал, когда что-то или кто-то даст ему повод вырваться наружу.

Мамочка выдвинула нижнюю губу и сдула со лба выбившуюся из прически прядь.

– Твой папа дома.

– Знаю.

Она не сводила глаз с двери.

– Почему он дома?

– Папа готовит.

– О, боже. О, нет.

Мамочка взлетела вверх по ступенькам, распахнула входную дверь и вбежала внутрь. Дверь с грохотом захлопнулась.

Сначала я их не слышала, но уже через пару минут из дома стали доноситься панические крики мамы. Я стояла во дворе перед парадным крыльцом и слушала, как вопли становятся все громче: папа пытался урезонить свою жену, но та не поддавалась. Она жила в мире «что будет, если», а папа настаивал на «прямо сейчас».

Я закрыла глаза и затаила дыхание, надеясь, что мелькающие в окне фигуры вот-вот прильнут друг к другу, и папа будет держать мамочку в объятиях. Она будет плакать, пока все ее страхи не исчезнут.

Я смотрела на наш дом, на деревянные решетки, оплетенные засохшими виноградными лозами, на перила, протянувшиеся вдоль веранды, которые давно пора было покрасить. Оконные стекла покрылись толстым слоем пыли, некоторые доски крыльца следовало заменить. Снаружи дом выглядел зловеще, и это ощущение усиливалось тем больше, чем дальше солнце двигалось по небу. Наш дом был самым большим в районе, одним из самых больших в городе, и отбрасывал огромную тень. Особняк принадлежал мамочке, а до этого – ее матери, но я никогда не чувствовала себя в нем как дома. Слишком много комнат, слишком много пространства, непрестанно порождавшего эхо и сердитые шепотки, которые мои родители хотели от меня скрыть.

В такие моменты мне недоставало молчаливого гнева. Сейчас он изливался на улицу.

Мамочка все еще расхаживала взад-вперед, а папа стоял у стола, умоляя его выслушать. Они орали, а тени деревьев уже ползли через двор, потому что солнце зависло над самым горизонтом. Начали стрекотать сверчки, напоминая о скором приближении заката. У меня в животе заурчало. Я присела на неровный край тротуара и бездумно выдергивала из газона травинки, еще теплые от летнего солнца. Небо окрасилось розовым и фиолетовым, а дождеватели у нас во дворе шипели и разбрызгивали воду. Похоже, война в нашем доме затягивалась.

Машины по Джунипер-стрит проезжали, только если кто-

то пытался срезать путь, возвращаясь домой из школы или с работы. После того как все добирались до дома, район снова погружался в сонное спокойствие.

Я услышала у себя за спиной какой-то щелчок и обернулась. Тот самый паренек стоял на противоположной стороне дороги, в руках он опять держал свой фотоаппарат. Он снова поднял камеру, направил ее на меня и сделал очередное фото.

– Мог бы хоть притвориться, что вовсе не меня фотографируешь, – рявкнула я.

– С чего бы это?

– Потому что только маньяки фотографируют незнакомых людей без разрешения.

– Кто это сказал?

Я отвернулась, оскорбленная его вопросом.

– Все. Все так говорят.

Паренек закрыл объектив крышечкой, потом сошел с тротуара и перешел дорогу.

– Ну, «все» не видели того, что я только что увидел в объектив, и фото получилось отличное.

Я уставилась на него, пытаюсь решить, сделал ли он мне комплимент или наоборот. Мои руки были сложены на груди, но выражение лица смягчилось.

– Мой папа сказал, ты племянник мисс Ли?

Он кивнул и поправил очки на блестящем носу.

Я посмотрела на силуэты родителей, маячившие в окне,

потом снова повернулась к пареньку.

– Ты здесь на все лето?

Он снова кивнул.

– Ты говорить умеешь? – вскипела я.

Он весело улыбнулся.

– Чего ты такая сердитая?

– Не знаю, – огрызнулась я и снова зажмурилась. Сделала глубокий вдох, потом слегка приоткрыла глаза. – А ты никогда не злишься?

Паренек пожал плечами.

– Думаю, не больше, чем прочие люди, – он кивнул на мой дом. – Почему они так вопят?

– Мой, э-э-э... мой папа сегодня потерял работу.

– Он работает на нефтяную компанию?

– Работал.

– Как и мой дядя... до сего дня, – признался мальчик. У него вдруг сделался очень уязвимый вид. – Только никому не рассказывай.

– Я умею хранить секреты, – я встала и отряхнула шорты. Мой собеседник молчал, и я нехотя проговорила: – Я – Кэтрин.

– Знаю. А я – Эллиотт. Хочешь вместе со мной пойти в кафе «У Браума» и съесть по рожку мороженого?

Он был на полголовы выше меня, но на первый взгляд казалось, что весим мы одинаково. Руки и ноги у него были слишком длинные и костлявые, а уши, похоже, росли быст-

рее всего остального организма. Высокие скулы сильно выдавались вперед, так что щеки казались запавшими, а длинные, похожие на солому волосы делали овальное лицо еще более вытянутым.

Паренек переступил через трещину в асфальте, а я вышла за калитку и обернулась через плечо. Дом по-прежнему взи-рал на меня – он будет ждать моего возвращения.

Мои родители все кричали. Если я войду внутрь, они умолкнут, но потом еще долго будут переругиваться у себя в спальне, а значит, мне придется всю ночь слушать приглу-шенное ворчание мамочки.

– Конечно, – сказала я, поворачиваясь к Эллиотту. Он вы-глядел удивленным. – У тебя есть деньги? Я потом тебе вер-ну. Не хочу сейчас возвращаться в дом за кошельком.

Он кивнул и в качестве доказательства похлопал себя по нагрудному карману.

– Я за тебя заплачу. Подстригал газоны у соседей.

– Знаю.

– Знаешь? – переспросил он и удивленно улыбнулся.

Я кивнула, сунула пальцы в неглубокие карманы джинсо-вых шорт и впервые ушла из дома, не спросив разрешения.

Эллиотт шел рядом со мной, но на некотором расстоянии. Полтора квартала он молчал, а потом его прорвало.

– Тебе здесь нравится? – спросил он. – В Дубовом ручье?

– Не особо.

– А что насчет школы? Какая она?

– Люблю ее до безумия.

Он кивнул так, словно я подтвердила его подозрения.

– Моя мама здесь выросла и всегда говорила, что терпеть не может этот городишко.

– Почему?

– Большинство индейских детей ходили в свою собственную школу. Над мамой и дядей Джоном постоянно издевались, потому что они единственные посещали городскую школу. К ним относились отвратительно.

– Это... как? – спросила я.

Эллиотт нахмурился.

– Их дом забрасывали камнями, как и мамину машину. Но я знаю об этом только по рассказам дяди Джона. Мама лишь говорила, что родители в этом городе очень ограниченные, а дети еще хуже. Не уверен, как к этому относиться.

– К чему именно?

Эллиотт опустил глаза.

– К тому, что мама отправила меня в место, которое ненавидит.

– Два года назад я попросила на Рождество чемодан, и папа подарил мне две штуки. Как только закончу школу, немедленно соберу вещи и больше никогда сюда не вернусь.

– А когда ты заканчиваешь школу?

Я вздохнула.

– Через три года.

– Значит, ты перешла в старшую школу? Я тоже.

– Но ты ведь приезжаешь сюда каждое лето? Не скучаешь по друзьям?

Эллиотт пожал плечами.

– Мои родители постоянно скандалят. Мне нравится приезжать сюда, здесь спокойно.

– А откуда ты приехал?

– Из Оклахомы, если быть точным, из Юкона.

– О, правда? Мы играем с вами в футбол.

– Да, знаю-знаю. «Плюнь на Юкон». Видел баннеры Дубового ручья.

Я с трудом сдержала улыбку. После уроков мы с Минкой и Оуэном сделали несколько таких баннеров на собраниях группы поддержки.

– А ты играешь?

– Ага, как пятое колесо в телеге. Хотя в последнее время делаю успехи, если верить тренеру.

Впереди показалось кафе «У Браума», над ним ярко горела розовым и белым неоном рекламная вывеска. Эллиотт распахнул дверь, и меня обдало волной холодного воздуха: внутри работал кондиционер.

Мои шлепанцы липли к выложенному красной плиткой полу. В воздухе пахло сахаром и топленым салом. Сидящие за столиками кафе семьи обсуждали планы на лето. Возле одного из самых больших столов стоял протестантский пастор. Он скрестил руки на груди, так что его красный галстук смялся, и обсуждал с несколькими членами своей об-

щины церковные дела, а также высказывал свое разочарование уровнем воды в здешнем озере.

Мы с Эллиоттом подошли к прилавку, и мой спутник жестом предложил мне заказывать первой. За кассой стояла Анна Сью Джентри, ее искусственно осветленные волосы были собраны в конский хвост, покачивавшийся всякий раз, когда она поворачивала голову.

– Кто это, Кэтрин? – поинтересовалась Анна Сью и, выгнув бровь, окинула взглядом фотоаппарат, висевший на шее Эллиотта.

– Эллиотт Янгблад, – ответил тот, прежде чем я успела что-то сказать.

Анна Сью мгновенно перестала обращаться ко мне и уставилась на стоявшего рядом со мной высокого паренька, только что продемонстрировавшего полное отсутствие страха и трепета, который ему полагалось испытывать.

– И кто же ты такой, Эллиотт? Кузен Кэтрин?

Я состроила гримасу. Интересно, что натолкнуло ее на эту мысль, ведь мы с Эллиоттом совершенно не похожи.

– Что?

Анна Сью пожала плечами.

– У вас волосы одинаковой длины, у обоих ужасные стрижки. Вот я и подумала, что это у вас семейное.

Эллиотт бесстрастно поглядел на меня.

– Вообще-то, у меня волосы длиннее.

– Значит, вы не родственники, – протянула Анна Сью. –

Что, ты променяла Минку и Оуэна на нового приятеля?

– Мы соседи, – Эллиотт сунул руки в карманы своих шорт цвета хаки. Похоже, издевки моей одноклассницы несколько его не трогали.

Анна Сью наморщила нос.

– Ты на домашнем обучении?

Я вздохнула.

– Он приехал в гости к тете на лето. Мы можем сделать заказ?

Анна Сью переступила с ноги на ногу, красиво качнула бедрами и обеими руками оперлась о прилавок. Кислое выражение ее лица меня не удивляло. Анна Сью дружила с Пресли. Они ходили друг на друга – стильные блондинки с густо подкрашенными глазами, и каждая из них кривилась при виде меня.

Эллиотт, похоже, ничего не замечал. Он указал на картонный рекламный щит, висящий над головой Анны Сью.

– Я буду банановую карамель с ванилью.

– С орешками? – уточнила Анна Сью не терпящим возражений тоном.

Эллиотт кивнул, потом посмотрел на меня.

– Кэтрин?

– Апельсиновый щербет, пожалуйста.

Анна Сью округлила глаза.

– Мило. Что-нибудь еще?

Эллиотт нахмурился.

– Нет.

Мы подождали, пока Анна Сью поднимет крышку контейнера и серебрястой лопаткой зачерпнет апельсиновый щербет. Скатав мороженое в шар, она закрепила его в стаканчике, сунула мне и принялась за заказ Эллиотта.

– Мне казалось, ты говорил о простом рожке мороженого? – обратилась я к Эллиотту.

Он пожал плечами.

– Я передумал. Хотя приятно немного посидеть под кондиционером.

Анна Сью со вздохом поставила на прилавок заказ Эллиотта.

– Банановая карамель с ванилью.

Эллиотт выбрал столик у окна, сел, передал мне пару салфеток и вгрызся в свое ванильно-банановое мороженое так, словно умирал от голода.

– Может, нам стоило заказать ужин? – сказала я.

Эллиотт поднял на меня глаза и вытер испачканный шоколадом подбородок.

– Мы еще можем это сделать.

Я посмотрела на свое мороженое. Стаканчик покрылся испариной.

– Я ушла, не предупредив родителей. Наверное, уже скоро мне пора будет возвращаться... хотя они даже не заметили, что меня нет.

– Я слышал, как они ругались. По части скандалов я на-

стоящий эксперт. На мой взгляд, они всю ночь будут выяснять отношения.

Я вздохнула.

– Ничего не изменится, пока папа не найдет новую работу. Мамочка немного... нервная.

– Мои родители постоянно ссорятся из-за денег. Отец считает, что раз ему не платят по сорок долларов в час, то нет смысла напрягаться. Можно подумать, один доллар хуже, чем ничего. Еще он постоянно попадает под сокращение.

– Чем он занимается?

– Он сварщик, и это ужасно, потому что он много пьет.

– Все дело в гордости, – ответила я. – Мой папа что-нибудь найдет. Просто мамочка вечно устраивает скандалы на ровном месте.

Эллиотт улыбнулся.

– Что?

– «Мамочка». Это так мило.

Я откинулась на спинку сиденья, чувствуя, как горят щеки.

– Ей не нравится, когда я называю ее мамой. Она говорит, что я пытаюсь казаться старше, чем есть. Это уже вошло в привычку.

Эллиотт наблюдал за моими мучениями с легкой полуулыбкой, потом наконец сказал:

– Я называл маму «мама» с тех пор, как научился говорить.

– Извини. Знаю, это странно, – я отвела взгляд. – У мамочки много разных пунктиков.

– Почему ты извиняешься? Я просто сказал, что это мило.

Я поерзала на сиденье и зажала свободную руку между колен. Кондиционер работал на полную мощность. В Оклахоме так всегда было, во всех кафе и магазинах. Зимой с меня сходило семь потов, потому что в помещениях было слишком жарко, а летом приходилось носить куртку, потому что было слишком холодно.

Я слизнула с губы кисло-сладкий сироп.

– Просто на минутку мне показалось, что ты смотришь на меня свысока.

Эллиотт открыл было рот, чтобы ответить, но тут к нашему столику подошла стайка девиц.

– О, – воскликнула Пресли, хватаясь за грудь, точно заправская актриса. – Кэтрин отхватила себе парня. Мне так грустно из-за того, что все это время мы думали, будто ты врешь, что твой ухажер живет в другом городе.

Три точные копии Пресли – Тара и Татум Мартин, а также Бри Бернс – дружно захихикали и затрясли блондинистыми локонами. Близняшки Тара и Татум походили друг на друга как две капли воды, но при этом отчаянно пытались выглядеть как Пресли.

– Может, он просто живет за городом, – подсказала Бри. – Например, в резервации¹?

¹ Резервация – территория, отведенная для проживания сохранившихся корен-

– В Оклахоме нет резерваций, – заметила я, потрясенная ее тупостью.

– А вот и есть, – возразила Бри.

– Вы имеете в виду племенную землю, – спокойно сказал Эллиотт.

– Я – Пресли, – представилась Пресли и самодовольно улыбнулась.

Я отвела глаза, не желая смотреть, как эти двое будут знакомиться, но Эллиотт не двинулся с места и ничего не сказал, поэтому я снова повернулась к ним. Парень улыбнулся мне, игнорируя протянутую руку Пресли.

Она недовольно нахмурилась и скрестила руки на груди.

– Так Бри права? Ты живешь в Белом Орле?

Эллиотт выгнул бровь.

– Это территория племени понка².

– И? – процедила Пресли.

Эллиотт скучающе вздохнул.

– А я – чероки³.

– То есть ты все-таки индеец, да? Разве в Белом Орле живут не индейцы? – не отставала она.

– Просто уйди, Пресли, – взмолилась я, опасаясь, как бы она не ляпнула что-то еще более обидное.

ных жителей страны (в США, Южной Африке и Австралии).

² Понка – индейский народ, состоящий из двух признанных на федеральном уровне племен: племя понка штата Небраска и индейское племя понка штата Оклахома.

³ Чероки, или чироки – индейский народ в Северной Америке (США).

В глазах Пресли блеснул восторг.

– Ух ты, Кит Кат, а не слишком ли ты обнаглела?

Я сердито посмотрела на нее снизу вверх.

– Меня зовут Кэтрин.

Пресли увела свою свиту в другой конец зала, и там вся компания расположилась за столиком, дабы дразнить нас с Эллиоттом издалека.

– Мне очень жаль, – прошептала я. – Они ведут себя так из-за того, что ты со мной.

– Из-за того, что я с тобой?

– Они меня ненавидят, – проворчала я.

Эллиотт повертел в руках ложку, зачерпнул мороженого и отправил в рот.

– Нетрудно понять, почему.

Интересно, как он так быстро догадался, едва поглядев на мое лицо? Возможно, именно поэтому весь город до сих пор винит мамочку и меня в ошибках моего деда: у меня вид человека, которого следует ненавидеть.

– Почему ты смущаешься? – спросил Эллиотт.

– Полагаю, я надеялась, что ты не знаешь про мою семью и завод.

– Ах, это. Несколько лет назад тетя рассказывала мне эту историю. Они задирают тебя из-за этой старой истории?

– А почему же еще?

– Кэтрин, – мое имя сорвалось с его губ словно мягкий смешок. – Они завидуют.

Я нахмурилась и покачала головой.

– Чему тут завидовать? У моей семьи почти нет денег, мы едва сводим концы с концами.

– Ты себя в зеркале видела? – спросил он.

Я покраснела и потупилась. Только папа хвалил мою внешность.

– Ты же совершенно на них не похожа.

Я облокотилась на стол и стала смотреть на красный огонек светофора, мерцавший за окном. Он был едва виден за ветвями дерева. Странное чувство: хочешь услышать что-то еще, но одновременно надеешься, что твой собеседник сменил тему.

– Тебя не задевают их слова? – удивленно спросила я.

– Когда-то задевали.

– А сейчас – нет?

– Мой дядя Джон говорит, что люди могут нас рассердить, только если мы сами им позволим. Но предоставив им такую возможность, мы дадим им власть над собой.

– Очень глубокая мысль.

– Я иногда прислушиваюсь к дяде, хотя он думает, что все его слова я пропускаю мимо ушей.

– Что еще он говорит?

Эллиотт не замедлил с ответом.

– Что ты либо научишься быть выше своих обидчиков и станешь отвечать на невежество с умом, либо ожесточишься.

Я улыбнулась. Эллиотт говорил о мнении своего дяди ува-

жительно.

– Значит, ты решил не принимать близко к сердцу людскую молву?

– Точно.

– Как? – спросила я, подаваясь вперед. Меня охватило искреннее любопытство и надежда, что Эллиотт откроет мне волшебный секрет, с помощью которого я, наконец, избавлюсь от нападок Пресли и ее подружек.

– О, я злюсь. Ужасно раздражает, когда люди говорят мне, что их прапрабабушка была принцессой племени чероки. Или эта идиотская шутка, якобы родители называли меня именем того, кого увидели первым, выйдя из вигвама. Я быстро закипаю, когда меня называют вождем, когда вижу людей в головных уборах с перьями, которые они надевают просто забавы ради. Но дядя говорит, что к таким людям следует относиться с состраданием и либо просвещать их, либо позволить им и дальше пребывать в неведении. Кроме того, в мире слишком много невежества, и нельзя расстраиваться по любому поводу. Если бы я огорчился из-за каждой мелочи, то постоянно пребывал бы в плохом настроении, а я не хочу быть как моя мама.

– Ты поэтому бил кулаком по дереву?

Эллиотт опустил глаза, то ли не желая отвечать, то ли не зная, что сказать.

– Меня многое беспокоит, – пробормотала я, откидываясь на спинку сиденья. Посмотрела на клонов, одетых в ко-

роткие джинсовые шорты и блузки в цветочек, купленные в одном магазине, но разных оттенков.

Папа старался, чтобы у меня были правильная одежда и правильный рюкзак, но мамочка замечала, что с каждым годом все больше моих школьных друзей прекращали со мной общаться. Она начала гадать, что мы сделали не так, и постепенно я тоже стала задаваться этим вопросом.

Истина же состояла в том, что я ненавидела Пресли за то, что та ненавидела меня. Мне не хватало смелости признаться мамочке, что я никогда не впишусь в компанию одноклассниц. Мне доставало подлости, чтобы ужиться в этом городке с этими ограниченными девицами. Далеко не сразу я осознала, что не хочу вливаться в это общество, но в пятнадцать лет мне часто казалось, что лучше уж такая компания, чем вовсе никакой. Папа не мог оставаться моим лучшим другом вечно.

Я откусила кусочек апельсинового шербета.

– Перестань, – сказал Эллиотт.

– Что перестать? – спросила я, чувствуя, как холодная сладкая масса тает у меня на языке.

– Перестань смотреть на них так, словно хочешь сидеть рядом с ними. Ты выше этого.

Я усмехнулась.

– Думаешь, я этого не знаю?

Эллиотт сглотнул и промолчал.

– Итак, расскажи свою историю, – предложила я.

– Мои родители уезжают в отпуск на шесть недель, будут ходить на психотерапию для семейных пар, страдающих от разногласий. Последняя попытка спасти их отношения, я полагаю.

– Что случится, если они потерпят неудачу?

Эллиотт взял со стола салфетку.

– Не уверен. Мама говорила, что в крайнем случае мы с ней можем переехать жить сюда, но с тех пор прошло уже два года.

– Из-за чего они ссорятся?

Он вздохнул.

– Папа пьет. Не выносит мусор. Мама его пилит. Она слишком много времени проводит в «Фейсбуке». Отец говорит, что пьет потому, что мама его игнорирует. Мама говорит, что проводит все время в «Фейсбуке», потому что папа с ней не разговаривает. В сущности, они находят самые глупые поводы, какие только можно себе представить, раздувают маленькое разногласие до громкого скандала и весь день ругаются, пока не появится новый повод для ссоры. А теперь, когда он потерял работу... снова... все станет еще хуже. Психолог говорит, что папе нужно быть жертвой, а маме нравится принижать его мужественность, что бы это ни значило.

– Это они тебе сказали?

– Они не стремятся выяснять отношения за закрытыми дверями.

– Отстой. Извини.

– Не знаю, – проговорил Эллиотт, глядя на меня, и поправил очки. – Все не так уж и плохо.

Я сторбилась.

– Наверное, нам стоит... ммм... нам лучше уйти.

Эллиотт встал и подождал, пока я выйду из-за стола. Я пошла к выходу, а Эллиотт следовал за мной, так что я не знала, заметил ли он, как Пресли и ее клоны перешептываются и хихикают, прикрывая рты ладонями.

Когда он остановился возле мусорного ведра, стоявшего возле их столика, я поняла: он заметил.

– Что смешного? – спросил он.

Я дернула его за футболку и взглядом показала на дверь, призывая поскорее уйти.

Пресли распрямила плечи и вздернула подбородок, довольная, что на нее обратили внимание.

– Просто Кит Кат так мило ворковала со своим ухажером. Это так смешно. Ты очень трогательно стараешься не задеть ее чувства. В смысле... должна признать, вы двое очень забавно выглядите.

Эллиотт подошел к их столику, и хихиканье смолкло. Он постучал по деревянной столешнице и вздохнул.

– Знаешь, почему ты никогда не перерастешь детское желание портить всем окружающим настроение ради возможности почувствовать себя лучше, Пресли?

Она прищурилась и наблюдала за Эллиоттом, как змея,

готовая в любую секунду броситься.

Он продолжал:

– Потому что принижая других, ты временно испытываешь удовольствие, ненадолго успокаиваешься. Ты никогда не прекратишь, потому что это единственная радость в твоей грустной, глупой жизни, вращающейся вокруг маникюра и причесок. Твои подруги? Ты им не нравишься. Ты никогда никому не понравишься, потому что ты сама себя не любишь. Поэтому всякий раз, когда ты будешь обижать Кэтрин, она будет об этом помнить. Она будет знать, почему ты делаешь это, и твои подружки тоже об этом не забудут. Ты и сама знаешь, что, поступая так, пытаешься заполнить пустоту внутри себя. Чем больше ты оскорбляешь Кэтрин, тем яснее окружающие понимают, что ты за пустышка, – он поочередно посмотрел в глаза клонам, а потом его взгляд остановился на Пресли. – Наслаждайтесь жизнью, которую заслуживаете.

Он повернулся к двери, открыл ее и жестом предложил мне выйти. Мы пересекли парковку, петляя между машинами, и направились обратно на нашу улицу. Фонари освещали мостовую, на их свет слетались комары и мошки. В тишине звук наших шагов казался громче и четче обычного.

– Это было... – я помедлила, подыскивая подходящее слово. – Бесподобно. Я бы никогда не смогла так отчитать человека.

– Ну, я здесь не живу, так что мне проще. К тому же эта тирада не полностью моя.

– Что ты имеешь в виду?

– Это из фильма «Двоечники»⁴. Только не говори, что не смотрела его в детстве.

Я потрясенно уставилась на него, потом рассмеялась.

– Фильм, вышедший, когда нам было по восемь лет?

– Я смотрел его каждый день на протяжении полутора лет.

Я хихикнула.

– Ух ты. Надо же, а я его не видела.

– Удачно, что Пресли его не смотрела. В противном случае мой монолог не вызвал бы такого убойного эффекта.

Я снова расхохоталась, и на этот раз Эллиотт последовал моему примеру. Когда мы отсмеялись, он слегка толкнул меня локтем в бок.

– А у тебя правда есть парень из другого города?

Я порадовалась, что на улице темно: все мое лицо словно охватило пламя.

– Нет.

– Рад это слышать, – он улыбнулся от уха до уха.

– Я как-то раз сказала это еще в средней школе, чтобы они от меня отстали.

Эллиотт остановился и посмотрел на меня сверху вниз, весело улыбаясь.

– Полагаю, это не сработало?

⁴ Речь идет о фильме «Detention Club» (2017), пародии на фильм «The Breakfast Club» (1985) Джона Хьюза о пяти учениках, которых задерживают после уроков в качестве наказания.

Я покачала головой. В памяти живо всплыли все оскорбления и насмешки, которыми осыпали меня одноклассницы, словно открылась уже почти затянувшаяся рана.

Эллиотт фыркнул и дотронулся до кончика носа ободранной костяшкой пальца.

– Разве тебе не больно? – спросила я.

Эллиотт перестал улыбаться. Где-то вдалеке низким голосом завыла собака, пощелкивал кондиционер, заурчал мотор автомобиля. Вероятно, кто-то из старшеклассников возвращался домой по Мейн-стрит. В окутавшей нас тишине стало видно, что свет в глазах Эллиотта погас.

– Прости, это не мое дело.

– Почему не твое?

Я пожала плечами и зашагала дальше.

– Не знаю. Наверное, это личное.

– Я рассказал тебе про своих родителей и все их проблемы, а ты считаешь, что сбитые костяшки – мое личное дело?

Я снова пожала плечами.

– Я вышел из себя и выместил гнев на вашем дубе. Видишь? Нет никакой магии, я все еще злюсь время от времени.

Я замедлила шаг.

– Расстроен из-за родителей?

Эллиотт покачал головой. Было видно, что ему не хочется вдаваться в подробности, поэтому я не стала спрашивать. Мы шли по дороге, которая проходила через нашу тихую

часть города и продолжалась уже за его пределами, а привычный нам с Эллиоттом мир необратимо менялся, хотя в тот момент мы этого еще не понимали.

По обеим сторонам улицы стояли дома – маленькие островки жизни и бурной деятельности. Горевший в окнах свет разрывал темноту, черневшую между уличными фонарями. Некоторые окна были закрыты занавесками, и я гадала, как живут обитатели этих островков, наслаждаются ли долгожданным вечером пятницы и смотрят ли телевизор, удобно устроившись на диване с пачкой чипсов или орешков. Возможно, им не приходится тревожиться из-за неоплаченных счетов.

Когда мы подошли к моей калитке, мой островок оказался темным и тихим. Мне бы хотелось, чтобы окна нашего дома светились тем же мягким светом, что мы видели ранее, чтобы у нас тоже был включен телевизор.

Эллиотт сунул руки в карманы, отчего лежавшая там мелочь зазвенела.

– Они дома?

Я посмотрела на гараж. Отцовский «Бьюик» и «Лексус» мамочки стояли на своих местах.

– Похоже на то.

– Надеюсь, я не испортил тебе жизнь еще больше, сцепившись с Пресли.

Я отмахнулась.

– Мы с ней давно знакомы. Сегодня впервые кто-то засту-

пился за меня, не уверена, что Пресли оказалась готова к такому.

– Надеюсь, она перестанет вести себя так, будто у нее палка в заднице.

Я не смогла сдержать громкий смешок, и Эллиотт заметно обрадовался моему веселью.

– У тебя есть мобильный?

– Нет.

– Нет? Это шутка или ты просто не хочешь давать мне свой номер?

Я покачала головой и нервно рассмеялась.

– Честное слово. Кто захочет мне звонить?

Эллиотт пожал плечами.

– Вообще-то, я собирался тебе позвонить.

– Вот как.

Я подняла щеколду, на которую закрывалась калитка, протиснулась на ту сторону. Раздался пронзительный скрип: калитка закрылась за мной, тихо щелкнув. Я повернулась к Эллиотту и ухватилась за изогнутую кованую створку. Он мельком глянул на наш дом, так, словно он был самым обычным, не вызывающим ни малейшего страха. От его храбрости на сердце у меня потеплело.

– Мы практически соседи, так что... уверен, мы скоро увидимся, – сказал он.

– Да, определенно. В смысле... это вполне вероятно, – кивнула я.

– Что ты делаешь завтра? У тебя есть подработка на лето?
Я покачала головой.

– Mamочка хочет, чтобы летом я помогала по дому.

– Ничего, если я заскочу? Притворюсь, что не фотографирую тебя.

– Конечно, если мои родители чего-нибудь не учудят.

– Тогда ладно, – подытожил Эллиотт. Он слегка расправил плечи, став чуточку выше, и попятился. – Увидимся завтра.

Он повернулся, чтобы идти домой, и я последовала его примеру. Медленно дошла до крыльца, поднялась по ступенькам. Покоробленные доски, которыми было обшито крыльцо, закрипели под моим весом (хотя я весила неполные пятьдесят кило). Этот звук вполне мог потревожить родителей, однако в доме по-прежнему царил безмолвие. Приоткрыв вторую дверь, я скользнула в прихожую, в душе проклиная скрипучие петли. Оказавшись внутри, я замерла, выжидая, но не услышала ни приглушенного разговора, ни шагов. Наверху никто не спорил на повышенных тонах, в коридоре не было слышно ни шепота.

Казалось, каждая ступенька пронзительно кричит, выдавая мой приход, пока я кралась по лестнице на второй этаж. Я держалась посередине лестницы, чтобы не обтирать плечом обои. Mamочка требовала, чтобы мы аккуратно обращались с домом, как будто это еще один член семьи. Я тихо прошла по коридору, перед комнатой родителей на мгновение замерла, потому что у меня под ногой скрипнула поло-

вица. Однако все было тихо, и я пошла дальше, к себе.

На обоях в моей комнате были горизонтальные розовые полоски, но помещение все равно походило на клетку, несмотря на цвет. Я сняла шлепанцы и босиком, не включая свет, приблизилась к окну. Белая краска на раме облупилась.

Снаружи, двумя этажами ниже, шагал по улице Эллиотт. Он то появлялся, когда проходил под фонарями, то исчезал из виду. На ходу он смотрел на светящийся экран своего телефона. Вот он прошел через пустой участок Фентонов, прямо к дому своей тети Ли. Интересно, что он увидит, войдя в свой дом? Там будет темно и тихо или мисс Ли везде включит свет? Чем она занята? Ссорится с мужем, готовится ко сну или ждет Эллиотта?

Я повернулась к туалетному столику, высматривая музыкальную шкатулку – папин подарок на мой четвертый день рождения. Я приподняла крышку, и маленькая балерина начала кружиться перед овальным зеркальцем, обрамленным розовой тканью. Краска давно стерлась с губ и щек танцовщицы, только глаза, две черные точки, остались прежними. Некогда накрахмаленная пачка вся помялась, пружина, на которой крепилась фигурка, погнулась, и балерина слегка кренилась набок. И все же она исправно вращалась на месте, выполняя одно и то же движение снова и снова. Было в этой монотонности нечто злое.

Обои местами вспухли и отслаивались от стен, а кое-где окончательно отклеившиеся полосы уже сильно отставали от

плинтуса. На потолке в углу темнело пятно, которое с каждым годом все увеличивалось. Моя белая кровать скрипела от малейшего движения, дверцы стенного шкафа не скользили в пазах и всякий раз норовили заклинить. Однако комната была моим убежищем, тьма сюда не дотягивалась. Сейчас, когда я снова оказалась внутри этих стен, все проблемы – статус городских изгоев, закрепившийся за нашей семьей, нервные срывы мамы – вдруг отступили на второй план. До сих пор я могла спрятаться только здесь и до сегодняшнего дня лишь здесь чувствовала себя в безопасности... пока не оказалась за одним столом со смуглым пареньком, смотревшим на меня большими карими глазами, в которых не было ни симпатии, ни презрения.

Я стояла у окна, хотя Эллиотт уже давно скрылся из виду. Он был необычным, немного странным, но он нашел меня. На какой-то миг я почувствовала, что больше не потеряна, и мне это понравилось.

Глава вторая

Кэтрин

– Кэтрин! – прокричал папа с первого этажа.

Я сбежала вниз по ступенькам.

Отец стоял у подножия лестницы и улыбался.

– Ты сегодня такая оживленная. С чего бы это?

Я помедлила секунду, прежде чем ответить.

– Лето наступило?

– Нет. Твою улыбку «лето наступило» я уже видел, а эта совершенно другая.

Я пожала плечами и ухватила верхний кусочек поджаренного бекона из стопки, которую держал папа, положив салфетку на ладонь. Вместо ответа я принялась хрустеть беконом, и он нахмурился.

– Сегодня в два часа у меня собеседование, но я подумал, что мы могли бы съездить к озеру до этого?

Я утащила еще кусочек бекона и продолжила жевать.

Отец состроил недовольную рожицу.

– У меня вроде как уже есть планы.

Папа выгнул бровь.

– С Эллиоттом.

Две складки между папиных бровей стали глубже.

– Эллиотт.

Он проговорил это имя так, словно никак не мог вспомнить, о ком речь.

Я улыбнулась.

– Племянник Ли. Тот странный парень с заднего двора.

– Который подрался с нашим дубом?

Я медлила с ответом, и папа наконец «вспомнил».

– Ах, да, я его видел.

– Но... ты же спросил меня, не разносит ли он наш двор.

– Не хотел тебя волновать, принцесса. Не уверен, что одобряю дружбу моей дочурки с парнем, который набрасывается с кулаками на деревья.

– Папа, мы же не знаем, что происходит с ним дома.

Папа коснулся моего плеча.

– Не хочу, чтобы моя дочь влезала в чужие разборки.

Я покачала головой.

– После вчерашнего вечера его тетя и дядя, возможно, говорят то же самое про нашу семью. Уверена, вся округа слышала вашу ссору.

– Прости. Я не подумал.

– Главным образом солировала мамочка, – проворчала я.

– Мы оба отличились.

– Вчера вечером он осадил Пресли.

– Парень, избивавший дерево? Погоди-ка. В каком смысле «вчера вечером»?

Я сглотнула.

– Мы сходили в кафе «У Браума»... после того как ма-

мочка вернулась домой.

– Так, – сказал папа, – понятно. И он вел себя прилично? В смысле, не пытался ударить Пресли или что-то в этом духе, правда?

Я хихикнула.

– Нет, папа.

– Извини, что не зашел к тебе сказать спокойной ночи.

Мы поздно легли.

Кто-то постучал в дверь: сначала три раза, потом еще два.

– Это он? – спросил папа.

– Не знаю. Мы не договорились о каком-то конкретном времени, – ответила я, глядя, как папа идет к входной двери. Он резко выдохнул, потом взялся за ручку и открыл дверь. На пороге стоял Эллиотт, чистенький, только что из душа, отчего его волнистые волосы влажно поблескивали. Обеими руками он держал свой фотоаппарат, хотя тот висел у него на шее на ремешке.

– Мистер, э-э-э...

– Кэлхун, – сказал папа, энергично пожимая Эллиотту руку. Он повернулся ко мне. – Ты, кажется, говорила, что вы познакомились вчера вечером? – Он посмотрел на Эллиотта. – Ты даже не узнал ее фамилию?

Эллиотт застенчиво улыбнулся.

– Наверно, я немного нервничаю, встретив вас.

Папа посмотрел на него с теплотой и заметно расслабился.

– Ты знал, что ее первое имя Принцесса?

– Папа! – зашипела я.

Отец мне подмигнул.

– Возвращайся домой к ужину.

– Да, сэр, – сказал Эллиотт, делая шаг в сторону.

Проходя мимо папы, я быстро чмокнула его в щеку, потом вслед за своим новым другом спустилась с крыльца и вышла за калитку.

– Уже так жарко, – заметил Эллиотт, утирая испарину со лба. – Погода этим летом будет отвратительная.

– Ты рано пришел. Какие у тебя планы? – спросила я.

Он слегка подтолкнул меня локтем в бок.

– Проводить время с тобой.

– А как насчет фотоаппарата?

– Я подумал, сегодня мы могли бы прогуляться до ручья.

– Чтобы?..

Он поднял повыше фотоаппарат.

– Пофотографировать.

– Ручей?

Эллиотт улыбнулся.

– Увидишь.

Мы двинулись на север, в сторону кафе «У Браума». Не дойдя до него, мы свернули на боковую улицу, покрытую не асфальтом, а гравием и красноватыми камешками, и прошли около мили по направлению к Глубокому ручью. Ручей был узкий, в некоторых местах не шире десяти футов, так что, разбежавшись, я вполне могла бы его перепрыгнуть. Эллиотт

вел меня вдоль берега, пока наконец не нашел особо понравившееся ему место.

Он перестал разговаривать со мной и принялся щелкать фотоаппаратом. Эллиотт быстро сделал снимок, проверил настройки, потом сделал еще несколько кадров. Понаблюдав за ним с час, я стала бродить вдоль берега сама по себе, ожидая, пока Эллиотт не удовлетворит свою страсть к фотографиям.

– Прекрасно, – сказал он наконец. – Идем.

– Куда?

– В парк.

Мы пошли в сторону Джунипер-стрит, по дороге завернули в кафе «У Браума» и купили холодной воды. Я прижала большой палец к плечу, сильно нажала и отняла руку. На коже осталось белое пятно, которое постепенно покраснело.

– Солнечный ожог? – спросил Эллиотт.

– Я вечно обгораю в июне. Один раз сторю – и готова к лету.

– Я бы не был так уверен, – поддразнил меня Эллиотт.

Я с завистью поглядела на его бронзовую кожу. На вид она казалась мягкой, и мне захотелось к ней прикоснуться. От этих мыслей мне стало не по себе, потому что прежде я ни о чем подобном не думала.

– Нужно натереть тебя солнцезащитным кремом, а то ожоги будут болеть.

– Неа. Ничего со мной не случится, увидишь.

– Что я увижу?

– Я просто имела в виду, что со мной все будет хорошо, – буркнула я, сталкивая Эллиотта с тротуара.

Пряча улыбку, он толкнул меня в ответ. Я потеряла равновесие, наклонилась к забору, так что моя блузка зацепилась за торчащий кусок проволоки, и тонкая ткань порвалась. Я вскрикнула, а Эллиотт бросился ко мне, протягивая руки.

– Осторожно!

– Я застряла! – воскликнула я, сгибаясь пополам и одновременно цепляясь пальцами за сетку, чтобы не упасть и не порвать блузку еще больше.

– Есть, – сказал Эллиотт, отцепляя мою блузку от забора. – Почти получилось. Извини, это было очень глупо с моей стороны.

Отцепив край моей блузки от проволоки, Эллиотт помог мне выпрямиться. Я оглядела прореху на ткани и нервно рассмеялась.

– Все в порядке. Я такая неуклюжая.

Эллиотт поморщился.

– Это я болван, толкнул девушку.

– Мне не больно.

– Да, знаю. Просто... мой отец иногда выходит из себя и теряет над собой контроль. В такие моменты я думаю, всегда ли он был таким и, если нет, почему стал так себя вести. Не хочу быть похожим на него.

– Мамочка тоже постоянно устраивает сцены.

– Она бьет твоего папу?

Я покачала головой.

– Нет.

На скулах Эллиотта заходили желваки, затем он повернулся к парку и жестом предложил мне следовать за ним. Несколько кварталов мы прошли в молчании, пока не услышали вдали смех и веселый писк малышей.

Парк Битл пребывал не в лучшем состоянии, но все равно его наполняло множество маленьких представителей рода человеческого. Я гадала, как Эллиотт будет фотографировать, ведь в каждый кадр непременно попадет чумазый, сопливый карапуз, но мой спутник каким-то неведомым образом находил красоту в ржавых бочках и покосившихся качелях, на которых никого не было. Спустя час мамочки и няньки начали отлавливать детей и звать их к грузовичкам, чтобы накормить обедом. Через несколько минут мы остались одни.

Эллиотт предложил мне покачаться на качелях, и я присела на пластиковое сиденье. Он оттянул качели назад, потом сильно толкнул вперед и пробежал подо мной, когда конструкция взлетела вперед и вверх.

Он вскинул фотоаппарат, но я закрыла лицо рукой.

– Нет!

– Фото выйдет хуже, если будешь упрямиться.

– Мне просто это не нравится. Пожалуйста, перестань.

Эллиотт опустил камеру и покачал головой.

– Это странно.

– Ну, значит, я и сама странная.

– Нет, просто... Это если бы заходящее солнце пожалело о том, что оно так прекрасно.

Я качалась на качелях, плотно сжав губы, чтобы не улыбнуться. И вновь не понимала, то ли Эллиотт делает мне комплимент, то ли у него просто необычный взгляд на этот мир.

– Когда твой день рождения? – спросил он.

Я нахмурилась, застигнутая врасплох.

– В феврале... А что?

Он фыркнул.

– Какого числа?

– Второго. А когда у тебя день рождения?

– Шестнадцатого ноября. Я Скорпион. А ты... – он поднял глаза к небу, очевидно, подсчитывая в уме. – О, ты Водолей. Знак воздуха. Очень загадочный.

С моих губ сорвался нервный смешок.

– Понятия не имею, что бы это значило.

– Это значит, нам следует держаться далеко, очень далеко друг от друга, если верить моей маме. Она любит такую ерунду.

– Астрологию?

– Ага, – ответил Эллиотт.

Казалось, ему неловко делиться такими пикантными подробностями своей жизни.

– Разве чероки верят в астрологию? Прости, если задаю

глупый вопрос.

– Нет, – он покачал головой. – Это просто для развлечения.

Эллиотт сел на соседние качели и, ловко перебирая ногами по земле, стал раскачиваться. Затем он потянул за цепь, на которой держалось сиденье моих качелей. Я тоже стала отталкиваться ногами и уже через несколько секунд взлетала так высоко, что конструкция подпрыгивала, когда я достигала высшей точки траектории. Я выпрямляла ноги, тянулась мысками к небу, и меня охватил тот же детский восторг, который я испытывала в раннем детстве.

Наконец мы стали раскачиваться медленнее, и я заметила, что Эллиотт за мной наблюдает. Он протянул руку, но я колебалась.

– Это ничего не значит, – сказал он. – Просто хватайся.

Я уцепилась за его ладонь. Наши руки были потными и скользкими – не слишком приятное ощущение, – но я впервые взяла за руку человека противоположного пола, если не считать моего папу. От этого в груди возник удивительный трепет, хоть я и отказывалась признать в этом самой себе. Я не считала Эллиотта особенно привлекательным или забавным, но он был милым. Казалось, он все видит, и все же ему хотелось проводить со мной время.

– Тебе нравятся твои тетя и дядя? – спросила я. – Тебе нравится здесь?

Эллиотт посмотрел куда-то вверх моей головы, щурясь

от яркого солнца.

– По большей части да. Тетя Ли... Ей пришлось многое перенести.

– Например?

– Со мной они об этом не говорят, но судя по тому, что мне удалось услышать за эти годы, поначалу Янгблады не особо жаловали ее. Дядя Джон просто любил мою тетю, несмотря ни на что, и в итоге его семья ее приняла.

– Это из-за того, что она... – начала я, запинаясь Эллиотт фыркнул.

– Все в порядке. Можешь произнести это вслух. Мои родители тоже через это проходили. Тетя Ли – белая.

Я плотно сжала губы, чтобы не рассмеяться.

– А что насчет тебя? Ты правда уедешь после окончания школы?

Я кивнула и мыском сандалии стала вычерчивать на песке круги.

– В Дубовом ручье хорошо, просто я не хочу оставаться тут навечно. И ни на секунду дольше, чем это необходимо.

– Я собираюсь путешествовать, взяв с собой камеру. Буду фотографировать землю, небо и все, что между ними. Ты могла бы отправиться со мной.

Я рассмеялась.

– И чем бы мы занимались?

Он пожал плечами.

– Странствовали бы по свету.

Я подумала о том, что папа сказал мне сегодня утром, и захотела доказать, что он неправ. Я хитро улыбнулась.

– Не уверена, что хочу путешествовать по миру с человеком, избивающим деревья.

– Ах, это.

Я толкнула его локтем.

– Да, это. Из-за чего ты так разозлился?

– Периодически я не разделяю философию дяди Джона касательно злости, и вчера был именно такой момент.

– Все время от времени сердятся. Уж лучше выместить злость на дереве, но, возможно, в следующий раз тебе стоит взять на вооружение боксерские перчатки.

Эллиотт коротко хохотнул.

– Моя тетя предлагала повесить в подвале боксерскую грушу.

– Если хочешь знать мое мнение, использование этого снаряда весьма способствует укреплению здоровья.

– Итак, если ты не будешь путешествовать со мной по миру, чем займешься?

– Не уверена. Еще три года учебы впереди. Наверное, мне уже пора определиться, кем я хочу быть, и в то же время кажется, что в пятнадцать лет это невозможно. – Я отвела взгляд и нахмурилась. – Эти мысли меня угнетают.

– Тогда просто держи меня за руку.

– Кэтрин?

Я подняла глаза и увидела Оуэна.

Мои пальцы выскользнули из ладони Эллиотта.

– Привет, – воскликнула я, вставая.

Оуэн подошел к нам, утирая со лба пот.

– Твой папа сказал, что я, возможно, найду тебя здесь.

Взгляд его метался от моего спутника ко мне и обратно.

– Это Эллиотт. Он живет на нашей улице, – сказала я.

Эллиотт встал и протянул руку. Оуэн не двинулся с места, встревоженно разглядывая высокого темноволосого незнакомца.

– Оуэн, – прошипела я.

Светлые ресницы моего друга дрогнули. Он пожал протянутую руку, потом снова повернулся ко мне.

– Ох. Извини. Просто... Я завтра уезжаю в лагерь. Хочешь зайти ко мне вечером?

– Ой, – пробормотала я, косясь на Эллиотта. – Я... у нас вроде как планы на сегодня.

Оуэн нахмурился.

– Но я завтра уезжаю.

– Знаю, – ответила я. Воображение живо нарисовало безрадостную картину: на протяжении нескольких часов я жую попкорн, пока Оуэн отстреливает бесчисленные полчища космических пришельцев. – Ты можешь пойти с нами.

– Мама не разрешит мне никуда идти сегодня, она хочет, чтобы я рано вернулся домой.

– Мне очень жаль, Оуэн.

Он нахмурился и повернулся, чтобы уйти.

– Ага. Ну, тогда увидимся через пару недель.

– Да, непременно. Повеселись в научном лагере.

Оуэн отбросил со лба светлую прядь, сунул кулаки в карманы и пошел в противоположную сторону от моего дома, на свою улицу. Район, в котором жил Оуэн, был солиднее нашего, за их домом начинался лес. Я провела в доме приятеля треть своего детства: сидела на кресле-мешке, бездельничая перед телевизором. На самом деле, мне хотелось провести время с Оуэном, пока он не уехал. Но Эллиотт оказался весьма неординарной личностью, и чтобы получше его узнать, у меня было всего несколько летних недель.

– Кто это был? – спросил Эллиотт.

Искренняя, приятная улыбка впервые пропала с его лица.

– Оуэн. Мой школьный друг, один из двух. Он влюблен в мою подругу Минку. Мы дружим с первого класса. Он вроде как... заядлый геймер. Ему нравится, когда мы с Минкой наблюдаем за его мастерством. Оуэн не фанат игр, рассчитанных на двух человек, ему не нравится ждать, пока мы сообразим, что к чему.

Уголок губ Эллиотта пополз вверх.

– Один из трех.

– Извини?

– Оуэн – один из трех твоих друзей.

– Ах... Это... очень мило, – я посмотрела на свои наручные часы, надеясь, что Эллиотт не заметит, как покраснели мои щеки. Солнце тянуло наши тени к востоку. Мы прове-

ли в парке Битл два часа. – Наверное, нам стоит перекусить. Хочешь зайти ко мне за бутербродами?

Эллиотт улыбнулся и пошел вслед за мной по тенистой Джунипер-стрит. Мы почти не разговаривали, и Эллиотт больше не пытался взять меня за руку, но мою ладонь покалывало там, где ее недавно касались его пальцы. У калитки я в нерешительности остановилась. Рядом с «Бьюиком» стояла машина мамочки, а из дома доносились сердитые крики.

– Я могу сделать бутерброд дома, – сказал Эллиотт, – или могу зайти внутрь вместе с тобой. Тебе решать.

Я посмотрела на него.

– Прости.

– Это не твоя вина.

Он заправил за ухо темную прядь, а потом принял решение за меня: повернулся и зашагал к дому своей тети, утирая пот с виска и поправляя ремень, на котором висел фотоаппарат.

Я медленно подошла к крыльцу и вся съежилась, когда родители понизили голоса.

– Я дома, – сообщила я, закрыв за собой дверь. Потом прошла в столовую и увидела, что папа сидит за столом, сложив перед собой руки и переплетя пальцы. – Ты не получил работу?

В районе подмышек папиной рубашки темнели пятна пота, его лицо было мертвенно-бледным.

– На это место претендовала сотня других парней, и все

они моложе и умнее твоего старого отца.

– Ни за что в это не поверю, – сказала я, проходя мимо мамочки на кухню. Налив два стакана холодной воды, я поставила один перед папой.

– Спасибо, принцесса, – поблагодарил он и сделал большой глоток.

Мамочка округлила глаза и скрестила руки на груди.

– Послушай меня. Это могло бы сработать. У нас столько места и...

– Я сказал нет, дорогая, – категорично ответил папа. – Туристы в этот город не приезжают, тут не на что смотреть, разве что на закрытые офисы да на пиццерию. Ночлег требуется только дальнобойщикам и тем, кто путешествует на машине по федеральной трассе. А они не станут дополнительно платить за комнату и завтрак.

– Здесь всего одна гостиница, – рявкнула мамочка. – И она каждую ночь набита под завязку.

– Не каждую ночь, – возразил папа. – Даже если бы мы собрали здесь толпу народа, этого недостаточно, чтобы бизнес удержался на плаву.

– Папа? – спросила я. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Все в порядке, принцесса. Просто сегодня я страшно устал.

– Выпей еще воды, – предложила я, придвигая к нему стакан.

Мамочка передернула плечами.

– Ты же знаешь, мне всегда хотелось устроить в своем доме нечто подобное.

– Для того чтобы начать новое дело, нужны деньги, – не сдавался папа. – И мне не по себе от мысли, что каждую ночь какие-то посторонние люди будут спать в комнатах по соседству с Кэтрин.

– Ты только что сказал, что мы не найдем постояльцев, – воскликнула мамочка.

– Мы их не найдем, Мэвис. Если бы этот дом стоял в Сан-Франциско или в любом другом месте, популярном у туристов, тогда другое дело. Но мы живем в центре Оклахомы, и в двух часах пути от нас нет никаких достопримечательностей.

– Есть два озера, – заметила мамочка.

– Люди, приезжающие на озеро, обычно едут туда на день или ночуют в палатках. Это же не Миссури. Мы не на озере Тейбл Рок, от которого до Брэнсона десять минут езды. Это не одно и то же.

– Все получится, если мы будем себя рекламировать. И если город будет с нами сотрудничать.

– Как это будет выглядеть? Не спорь, и так все ясно. Крайне рискованно и безответственно начинать такой бизнес, учитывая, что мы уже целый месяц не можем оплатить текущие счета.

Папа посмотрел на меня, видимо, только что вспомнив о моем присутствии, и пожалел о своих последних словах.

– Я могла бы найти работу, – предложила я.

Папа хотел было что-то сказать, но мамочка его опередила.

– Кэтрин могла бы работать вместе со мной в гостинице «На Джунипер-стрит».

– Нет, дорогая, – сердито возразил папа. – Ты довольно долго не смогла бы ей платить, а значит, это бессмысленно. Взгляни на меня. Ты же знаешь, что это плохая идея, ты ведь знаешь.

– Утром я позвоню в банк. Салли даст нам ссуду, уверена, она не откажет.

Папа стукнул кулаком по столу.

– Проклятье, Мэвис, я сказал нет!

Мамочка гневно раздула ноздри.

– Это ты довел нас до этого! Если бы ты выполнял свою работу, тебя бы не сократили!

– Мамочка, – пробормотала я.

– Это все твоя вина! – продолжала она, не обращая на меня внимания. – Мы того и гляди останемся без гроша, и ты должен был позаботиться о нас! Ты обещал! А теперь ты целый день сидишь дома, в то время как я единственная в семье зарабатываю деньги! Нам придется продать дом. Куда мы пойдем? И как меня угораздило связаться с таким неудачником?

– Мамочка! – завопила я. – Хватит!

Дрожащими руками она пригладила растрепавшиеся во-

лосы, повернулась на сто восемьдесят градусов и бросилась вверх по лестнице, хлюпая носом.

Папа посмотрел на меня снизу вверх, в его взгляде ясно читались смущение и чувство вины.

– Она не со зла, принцесса.

Я села и тихо проворчала:

– Она всегда не со зла.

Папа криво усмехнулся.

– Она просто вся на нервах.

Я потянулась и взяла папу за руку. Ладонь у него была влажная от пота.

– Только она?

– Ты же меня знаешь, – он подмигнул мне. – Упасть просто, гораздо труднее снова подняться. Я все улажу, не тревожься.

Он потер плечо, и я улыбнулась.

– Я не тревожусь. Схожу в кафе «У Браума» и спрошу, не нужны ли им сотрудники.

– Не спеши. Мы все обсудим еще раз в следующем месяце. Возможно.

– Я не против помочь.

– Что ты ела на обед? – спросил папа.

Я просто покачала головой, и отец нахмурился.

– Лучше пойдешь и приготовь себе что-нибудь. Я схожу наверх и успокою твою мамочку.

Я кивнула, с тревогой наблюдая, как папа тяжело подни-

мается из-за стола. Он сделал шаг и едва не потерял равновесие. Я схватила его за руку и поддержала.

– Папа! У тебя солнечный удар?

– Возьму это с собой, – сказал он, беря со стола стакан воды.

Сунув руки под мышки, я смотрела, как он медленно поднимается по лестнице. Он казался постаревшим и немощным. Любая дочь хочет видеть своего отца исключительно непобедимым героем.

Когда папа поднялся наверх, я прошла в кухню и открыла холодильник. Тот натужно загудел, я поискала в нем мясо и сыр. Мяса не было, зато я нашла последний кусочек сыра и немного майонеза. Вытащив добычу из холодильника, я огляделась в поисках хлеба, но ничего не нашла.

На буфете стояла целая коробочка соленых крекеров, так что я выдавила остатки майонеза, разломала сыр на маленькие кусочки и постаралась распределить майонез и сыр на максимальное количество печений. Мамочка так переволновалась, что забыла купить продуктов. Я невольно призадумалась: сколько еще пройдет времени, прежде чем у нас вообще не останется денег на еду.

Я села на папин стул, который скрипнул под моим весом, отправила в рот первый крекер и стала с хрустом жевать. Папа и мамочка больше не ругались. Она даже не плакала, хотя, будучи в расстроенных чувствах, постоянно заливалась слезами. Я начала гадать, что происходит и почему мамочка

не на работе.

Большая люстра у меня над головой закачалась, потом жалобно загудели трубы. Я вздохнула: очевидно, папа набирает ванну, чтобы помочь мамочке успокоить нервы.

Я прикончила свой нехитрый обед, ополоснула тарелку, а затем вышла на веранду. Эллиотт уже был там. Он сидел на качелях, держа в руках два больших шоколадных пирожных, завернутых в прозрачную пленку, и две бутылки колы.

Он протянул мне и то, и другое.

– Десерт?

Я присела на качели рядом с ним, впервые с момента его ухода чувствуя покой и счастье. Развернула пирожное и вгрызлась в него, застонав от удовольствия.

– Твоя тетя испекла?

Эллиотт сощурил один глаз и улыбнулся.

– Она врет тетушкам в своей группе взаимопомощи, будто это ее рецепт.

– А это не так? В прошлом она уже пекла для нас такой десерт. Все соседи не переставая нахваливали шоколадные пирожные Ли.

– Это рецепт моей мамы. Тетя Ли очень обо мне заботится, так что я ее не выдаю.

Я улыбнулась.

– Не проболтаюсь ни одной живой душе.

– Знаю, – кивнул Эллиотт, перебирая по земле ногами, чтобы раскачать качели. – Это мне в тебе и нравится.

– Что именно?

– Ты кому-нибудь рассказала, что мой дядя потерял работу?

– Конечно нет.

– Вот видишь. – Он откинулся на спинку качелей и завел руки за голову. – Ты умеешь хранить секреты.

Глава третья

Эллиотт

Я пришел в гости к Кэтрин на следующий день и на следующий после него. Мы виделись ежедневно на протяжении двух недель. Ходили за мороженым, гуляли в парке или просто бродили. Если ее родители и ругались, Кэтрин была вне дома и не видела этого. Я ничем не мог ей помочь, разве что составить компанию, но она искренне радовалась даже такой малости.

Все утро я подстригал газоны, пытаюсь закончить все ранее оговоренные подработки до начала грозы, ведь с юго-запада на Дубовый ручей надвигались темные тучи. Наверное, Кэтрин сидела на качелях у себя на веранде, как делала каждый день, и ждала, когда я загляну к ним во двор.

Всякий раз, когда я забегал домой выпить воды, дядя Джон сидел перед телевизором и смотрел новости, слушал метеорологические прогнозы касательно атмосферного давления и направления ветра. С периодичностью в десять минут на протяжении последнего часа вдалеке громыхал гром, с каждым разом становясь все громче. Расправившись с последней лужайкой, я прибежал домой и принял душ, схватил фотоаппарат и пошел к дому Кэтрин. Я старался делать вид, что вовсе не тороплюсь.

На ней была тонкая блузка, красиво оттенявшая ее сияющую кожу. Она теребила обтрепанный край джинсовых шорт тонкими пальцами с обкусанными ногтями. Я с трудом дышал в теплом, влажном воздухе и обрадовался, когда вдруг повеяло прохладой. Небо окончательно потемнело, и заметно похолодало. Листья в кронах деревьев зашелестели под резкими порывами ветра, который мгновенно сдул волны жара, танцевавшие над асфальтом всего несколько минут назад.

Мистер Кэлхун выскочил из дома, поправляя галстук.

– Принцесса, у меня пара собеседований. Увидимся вечером.

Он рысцой сбежал с крыльца, круто остановился, вернулся и чмокнул дочь в щеку. Затем он многозначительно посмотрел на меня, добежал до своего «Бьюика», сел в машину, задом выехал с участка и быстро укатил.

Качели слегка подпрыгнули, а цепи дрогнули, когда я сел рядом с Кэтрин. Я начал отталкиваться ногами от пола, и мы стали раскачиваться вперед-назад. Кэтрин сидела молча, ее длинные, изящные пальцы привлекли мое внимание. Мне хотелось снова дотронуться до ее руки, но еще хотелось, чтобы на этот раз она прикоснулась ко мне первой. Цепи умиротворяюще поскрипывали. Я запрокинул голову и стал смотреть на раскинувшуюся под потолком паутину, а еще заметил кучку мертвых мошек в висевшем на крыльце фонаре.

– Фотоаппарат? – спросила Кэтрин.

Я похлопал по висевшей у меня на плече сумке.

– Конечно.

– Ты сделал сотни фотографий травы, воды в Глубоком ручье, качелей, горки, деревьев и железнодорожных рельсов. Мы немного говорили о твоих родителях и довольно много о моих, а еще о Пресли, ее клонах, о футболе, о наших мечтах про университеты и о том, где мы хотим быть через пять лет. Каков наш сегодняшний план? – спросила она.

Я широко улыбнулся.

– Ты.

– Я?

– Собирается дождь. Я подумал, мы останемся в доме.

– Здесь? – спросила Кэтрин.

Я встал и протянул ей руку. Если ждать, пока это сделает она, я рискую остаться ни с чем.

– Идем со мной.

– Что? Хочешь сделать пару снимков? Вообще-то я не люблю, когда меня фотографируют.

Она не взяла меня за руку, так что я сжал кулак и сунул его в карман, надеясь, что не умру от смущения.

– Сегодня никаких фотографий. Я хотел кое-что тебе показать.

– Что именно?

– Самую прекрасную вещь, которую я когда-либо запечатлял на камеру.

Кэтрин вышла за ворота вслед за мной, и мы пошли по

улице к дому моих тети и дяди. Сегодня мы впервые пошли куда-то в приличном виде, не взмокнув от пота.

В доме тети Ли пахло свежей краской и дешевым освежителем воздуха. Свежие следы от пылесоса на ковре рассказывали короткую историю занятой домохозяйки, не обремененной детьми. Нарисованный на стене плющ и плед на диване царили в интерьере еще с 1991 года, но тетя Ли гордилась своим домом и тратила несколько часов в день на поддержание идеальной чистоты.

Кэтрин потянулась к висящей на стене картине, изображавшей индианку: женщину с длинными темными волосами, в которые было воткнуто перо. Она остановилась, когда ее пальцы почти коснулись холста.

– Ты это хотел мне показать?

– Картина красивая, но я привел тебя сюда не ради нее.

– Она такая... грациозная. И такая потерянная. Не просто красивая, а... глядя на нее, хочется плакать.

Я улыбнулся, наблюдая, как Кэтрин благоговейно взирает на картину.

– Это моя мать.

– Твоя мать? Она просто потрясающая.

– Тетя Ли ее нарисовала.

– Ух ты, – протянула Кэтрин, рассматривая висящие на стене картины, написанные одной и той же рукой. Пейзажи и люди – все казалось настоящим, словно ветер вот-вот шевельнет нарисованную траву или темные пряди волос, нис-

падающие на бронзовые плечи. – Это все ее работы?

Я кивнул.

В пустой комнате работал висевший высоко на стене плоский телевизор. Передавали новости.

– Твоя тетя на работе? – спросила Кэтрин.

– Она оставляет телевизор включенным, когда уходит. Говорит, так потенциальные грабители подумают, что в доме кто-то есть.

– Какие грабители? – спросила Кэтрин.

Я пожал плечами.

– Понятия не имею. Наверное, любые.

Мы прошли мимо телевизора по темному коридору и оказались перед коричневой дверью с медной ручкой. Я открыл дверь. Изнутри пахло едва уловимым душком плесени, и Кэтрин помрачнела.

– Что там, внизу? – спросила она, вглядываясь в темноту.

– Моя комната.

Раздался дробный перестук – что-то стучало по крыше. Я обернулся, посмотрел в окно и увидел, что на траву падают и подсакивают градины размером с горошину. С каждым мгновением градины становились все крупнее, и вот на землю упал кусочек льда размером с половину долларовой банкноты, расколовшись на несколько частей. Все это длилось несколько секунд, а потом град прекратился, словно все это мне померещилось.

Кэтрин снова повернулась к темному дверному проему.

Мне показалось, она страшно нервничает.

– Ты спишь там, внизу?

– По большей части. Хочешь посмотреть?

Она сглотнула.

– Иди ты первым.

Я фыркнул.

– Трусишка.

Громко топая, я спустился по лестнице и на ощупь нашел шнурок. Дернув за него, можно было включить единственную в подвале лампочку, висевшую под потолком.

– Эллиотт? – позвала оставшаяся в коридоре Кэтрин.

От звука ее голоса, вдруг ставшего очень высоким и нервным, у меня внутри что-то щелкнуло. Мне хотелось лишь одного: чтобы рядом со мной она чувствовала себя в безопасности.

– Подожди секунду, сейчас я включу свет.

Выключатель щелкнул, и висевшая под потолком лампочка осветила подвал.

Кэтрин медленно спустилась по лестнице и оглядела большой зеленый ковер, лежавший на бетонном полу.

– Он уродский, но это лучше, чем, встав с кровати поутру, наступать на холодный пол, – пояснил я.

Кэтрин медленно поворачивалась на месте, рассматривая двухместный диванчик, телевизор, письменный стол, стоящий на нем компьютер и свернутый матрас, на котором я спал.

– А где твоя кровать? – спросила она наконец.

Я указал на матрас.

– На ночь я его раскладываю.

– Он выглядит недостаточно длинным.

– Он и впрямь коротковат, – просто ответил я, доставая из сумки фотоаппарат и доставая из него карту памяти. Я присел на пластиковый стул, который дядя Джон купил специально, чтобы мне было на чем сидеть перед компьютером (раньше он стоял на столе, который тетя Ли нашла на обочине дороги), и вставил крошечный пластиковый квадратик в разъем.

– Эллиотт?

– Мне только нужно выгрузить новое.

Я несколько раз щелкнул мышкой, а потом вдруг раздался отдаленный пронзительный вой. Я замер.

– Что это?

– Это сирена, предупреждающая о торнадо? – проговорил я.

Затем я вскочил, схватил Кэтрин за руку и потащил к лестнице. Звук шел из телевизора. На экране метеоролог стоял перед картой, густо расцвеченной зелеными и красными точками. Во всем штате было объявлено штормовое предупреждение, буря должна была обрушиться на нас с минуты на минуту.

– Эллиотт, – сказала Кэтрин, крепче сжимая мою руку, – мне лучше пойти домой, пока не разразился шторм.

Небо за окном чернело на глазах.

– Не думаю, что это хорошая идея. Лучше тебе переждать непогоду здесь.

Маленькая карта Оклахомы, разделенная на районы, приутилась в правой верхней части плоского экрана и светилась, как рождественская елка. В нижней части экрана бегущая строка анонсировала названия одного города за другим.

Метеоролог тыкал указкой в наш район и произносил слова вроде «угроза внезапного наводнения» и «немедленно принять меры предосторожности».

Мы разом повернулись к окну и увидели, как невидимая сила гнет деревья и срывает с них листья. Польшнула молния, и на миг наши тени появились на стене напротив окна, точно между двумя мягкими кожаными креслами. Над Дубовым ручьем грянул раскат грома, и снова пошел град. По крыше застучал дождь, канавы вдоль дома мгновенно наполнились водой, и она начала выплескиваться на газон. Улицы превратились в бушующие реки, по ним будто мчались потоки кипящего шоколадного молока, и вскоре переполненные водостоки начали извергать воду обратно на мостовую.

Метеоролог умолял зрителей воздержаться от поездок на машинах во время дождя. За окном завывал ветер, по стеклу лупили дождевые капли.

– Мой папа сейчас снаружи, возможно, он ведет машину. Можно одолжить твой телефон? – попросила Кэтрин.

Я протянул ей свой мобильный, предварительно разбло-

кировав его. Кэтрин нахмурилась: вместо ответа в телефоне ее отца включилась голосовая почта.

– Папа? Это Кэтрин. Звоню с телефона Эллиотта. Я в его доме, в безопасности. Позвони мне, когда сможешь, чтобы я знала, что с тобой все в порядке. Номер Эллиотта, – она посмотрела на меня, и я одними губами стал произносить цифры. – Три, шесть, три, пять, один, восемь, пять. Перезвони мне, хорошо? Я волнуюсь. Люблю тебя.

Она вернула мне телефон, и я запихнул его в карман.

Кэтрин вцепилась в мою рубашку и прижалась щекой к моему плечу. Я ощутил себя супергероем.

Она посмотрела на меня снизу вверх, и мой взгляд упал на ее губы. Нижняя была полнее верхней, и на долю секунды я представил, что наклоняюсь и целую ее.

Кэтрин закрыла глаза, и я тоже зажмурился, но прежде чем я успел ее поцеловать, она прошептала:

– Эллиотт?

– Да? – ответил я, замирая.

Даже с закрытыми глазами я видел, как вспышки молний за окном озаряют весь дом; после каждого удара молнии раздавался громовой раскат. Кэтрин крепко меня обняла.

Я держал ее в объятиях, и вскоре она расслабилась, хихикнула и отстранилась. Щеки ее пылали.

– Извини.

– За что?

– За то, что тебе приходится быть здесь, со мной.

Я улыбнулся.

– Где же еще мне быть?

Мы смотрели, как град сменяется дождем и как его струи изливаются на траву. Ветер заставлял деревья склоняться перед штормом. Первый оглушительный щелчок застал меня врасплох. Когда упало первое дерево, Кэтрин ахнула.

– Скоро все закончится, – заверил я, обнимая ее за плечи. Еще никогда в жизни я не был так благодарен буре.

– Может, нам лучше спуститься в подвал? – спросила Кэтрин.

– Можем спуститься, если так тебе будет спокойнее.

Кэтрин уставилась на дверь, ведущую в подвал.

– А может, и не стоит.

Я засмеялся.

– Что смешного?

– Мне показалось, что в подвале тебе будет не по себе.

– Дело не в том, что я... – она стояла рядом со мной, держась за мою рубашку и прижимаясь щекой к моему плечу. – Я скажу, как есть. Ты мне нравишься.

Я склонил голову набок, уткнулся подбородком ей в макушку. Волосы Кэтрин пахли шампунем и потом. Чистым потом. В данную минуту это был мой любимый запах.

– Ты мне тоже нравишься, – не поворачивая головы, я сказал это, глядя прямо перед собой. – Ты именно такая, как я думал.

– Что ты имеешь в виду?

Снова зарядил град, на этот раз он лупил прямо по окнам гостиной тети Ли. Одно стекло треснуло, и я сделал шаг назад, отступая от Кэтрин. Яркая вспышка озарила улицу, и над домом гром прогремел так, словно выстрелили из пушки.

– Эллиотт? – проговорила Кэтрин дрожащим от страха голосом.

– С тобой ничего не случится, обещаю. Я этого не позволю, – заявил я.

Мы смотрели, как ветер треплет деревья на улице.

– Хочешь сейчас быть там, снаружи, да? Фотографировать? – спросила Кэтрин.

– Для этого у меня нет нормальной камеры. Но однажды – возможно.

– Тебе нужно работать на Национальное географическое общество или что-то в этом духе.

– Таков план. Нужно посмотреть весь мир, – я повернулся и посмотрел на Кэтрин. – Ты еще не передумала? Все равно, закончив школу, ты уедешь отсюда. Почему бы не поехать вместе со мной?

В первый раз я предложил ей это, когда мы только познакомились. На лице Кэтрин появилась широкая улыбка.

– Ты опять спрашиваешь меня об этом?

– Буду спрашивать столько, сколько придется.

– Знаешь, после того, как мы столько времени провели вместе, мысль о том, чтобы путешествовать вместе с тобой,

прельщает меня куда больше, чем перспектива остаться дома.

– Ну и? Ты в деле? – спросил я.

– Я в деле.

– Обещаешь?

Кэтрин кивнула, и я не смог сдержать глупую улыбку.

Град вдруг прекратился, а потом и ветер начал стихать.

Улыбка Кэтрин померкла.

– Что случилось?

– Наверное, мне лучше пойти домой.

– Ох. Да, конечно. Я тебя провожу.

Кэтрин вдруг схватила меня за плечи, привстала на цыпочки и поцеловала в уголок рта. Все произошло так быстро, что я даже не успел насладиться моментом. Раз! – и все уже закончилось. В ту секунду я мог бы взобраться на гору, обежать вокруг земного шара или переплыть океан. Если Кэтрин Кэлхун решила меня поцеловать, то все невозможное становилось возможным.

Солнце едва-едва начало выглядывать из-за облаков, тьма уползала к другому городу. На улицу один за другим выходили соседи, посмотреть, насколько велик ущерб. Если не считать нескольких разбитых окон, оборванных проводов, поваленных деревьев и сломанных ветвей, дома почти не пострадали. Зеленые листья устилали Джунипер-стрит ярким ковром, вдоль обочин бежали потоки грязной воды, медленно утекая в сливоприемный колодец, расположенный в кон-

це улицы.

Мы с Кэтрин одновременно заметили, что подъездная дорожка перед ее домом пуста. Я открыл калитку и прошел следом за ней по дорожке к ее дому. Мы поднялись на веранду и сели на качели.

– Я подожду вместе с тобой, пока твои родители не вернуться, – сказал я.

– Спасибо.

Кэтрин взяла меня за руку, а я стал отталкиваться от пола, раскачивая качели. Я отчаянно желал, чтобы этот день, лучший в моей жизни, никогда не кончался.

Глава четвертая

Кэтрин

Остаток лета пролетел очень быстро, дни были заполнены стуком пневматических молотков – рабочие разных строительных компаний чинили крыши домов. Мы с Эллиоттом проводили много времени, сидя в тени деревьев и фотографируя берега Глубокого ручья, но он больше не приглашал меня к себе домой. Каждый день я боролась с желанием попросить его показать мне фотографии в его подвале, но моя гордость неизменно пересиливала любопытство.

Мы смотрели салют на четвертое июля, удобно устроившись на раскладных стульях за бейсбольным полем, и часто устраивали пикники, во время которых делились друг с другом бутербродами и болтали о всяких пустяках, как будто это лето никогда не закончится.

В последнюю субботу июля мы, казалось, исчерпали все темы для разговора. Каждое утро Эллиотт приходил к девяти утра, садился на качели и смиренно ждал, когда я выйду, но в последнюю неделю он стал каким-то мрачным.

– Твой парень снова сидит на качелях, – сказал папа, поправляя галстук.

– Он не мой.

Отец вытащил носовой платок и вытер пот со лба. Отсут-

ствие работы стало для него нелегким испытанием. Он похудел и в последнее время плохо спал.

– Разве? Кстати, куда подевался Оуэн?

– Я несколько раз останавливалась перед его домом. Мне больше нравится гулять на воздухе, чем смотреть, как он играет в компьютерные игры.

– Ты хотела сказать «гулять вместе с Эллиоттом», – заметил папа с хитрой улыбкой.

– Ты завтракал?

Отец покачал головой.

– Нет времени на еду.

– Ты должен лучше заботиться о себе, – заметила я, нежно беря его за руку. Я поправила его галстук и похлопала папу по плечу. Его рубашка уже пропиталась потом. – Папочка.

Он поцеловал меня в лоб.

– Я в полном порядке, принцесса. Не волнуйся ты так. Тебе пора идти, а то опоздаешь на свидание у ручья. Или на свидание в парке? Куда вы идете сегодня?

– В парк. И это не свидание.

– Он тебе нравится?

– Не в этом смысле.

Отец улыбнулся.

– Ты могла бы меня одурачить, но Эллиотту меня не обмануть. Папы разбираются в таких вещах.

– Или выдумывают то, чего нет, – парировала я, открывая дверь.

– Люблю тебя, Кэтрин.

– А я тебя еще больше.

Я вышла на крыльцо и улыбнулась при виде Эллиотта: он качался на качелях. Сегодня на нем были рубашка в тонкую полоску и шорты цвета хаки, а неизменный фотоаппарат висел на шее на ремешке.

– Готова? – спросил Эллиотт. – Я подумал, что для начала стоит завернуть в кафе у «Браума», перехватить печенья и сока.

– Конечно, – согласилась я.

Мы прошли несколько кварталов, добрались до кафе, ставшего в последнее время одним из наших любимых мест, и сели за столик, который сделали своим. Эллиотт молчал. Он всю последнюю неделю ходил как в воду опущенный, только кивал и вставлял односложные реплики в мой монолог. Вид у него был такой, словно мыслями он сейчас находился за тысячи миль отсюда.

Выйдя из кафе, мы зашагали к центру города, никуда конкретно не направляясь. Последние два месяца мы постоянно куда-то шли, потому что на ходу не обязательно разговаривать, зато можно проводить время вместе.

Когда мы вернулись к моему дому, чтобы сделать бутерброды, солнце сияло высоко в небе. Обед-пикник стал нашим ритуалом, и мы по очереди подыскивали подходящее место. Сегодня выбирал Эллиотт, и он предпочел парк и полянку под нашим любимым деревом.

Мы молча расстелили на траве лоскутное одеяло, сшитое мамочкой. Эллиотт развернул свою индейку с сыром, поглядывая на еду так, словно один ее вид его оскорбляет. Мне пришло в голову, что причина его недовольства – это я, и все же каждую минуту этого лета я не могла назвать иначе, как идеальной.

– Невкусно? – спросила я, держа бутерброд двумя руками.

Эллиотт откусил всего кусочек от своего бутерброда, в то время как я успела съесть половину своего.

– Нет, – ответил Эллиотт, опуская руку с зажатым в ней бутербродом. – Определенно невкусно.

– А что не так? Слишком много майонеза?

Он помолчал, потом застенчиво улыбнулся.

– Дело не в бутерброде, Кэтрин. Бутерброд тут вообще ни при чем... Все дело в том, что я сижу рядом с тобой.

– Вот как, – пробормотала я. Мой разум снова и снова воспроизводил последние слова Эллиотта.

– Завтра я уезжаю, – проворчал он.

– Но ты ведь вернешься, да?

– Да, но не знаю, когда именно. Возможно, на Рождество. Может быть, только следующим летом.

Я кивнула, не поднимая глаз от своего бутерброда, мои руки сами собой опустились. Я вдруг поняла, что совершенно не голодна.

– Ты должен пообещать, – сказала я. – Ты должен пообещать, что вернешься.

– Обещаю. Пусть я не приеду сюда раньше следующего лета, но я вернусь.

Пустота и отчаяние, которые я испытала в тот момент, были сравнимы только с тоской, нахлынувшей на меня в день смерти моего пса. Возможно, это очень глупое сравнение, но Арахис спал у моих ног каждую ночь. Неважно, насколько сильно была раздражена мамочка и сколько сцен она устроила, Арахис прекрасно знал, когда рычать, а когда вилять хвостом.

– О чем ты думаешь? – спросил Эллиотт.

Я покачала головой.

– Это глупо.

– Брось. Скажи.

– У меня был песик, довольно глупый. Как-то раз папа принес его домой ни с того ни с сего. Предполагалось, что пес будет принадлежать мамочке, чтобы веселить и отвлекать ее от мрачных мыслей, но он выбрал меня. Мамочка ревновала, правда, я до сих пор не понимаю, кого именно: меня или Арахиса. Он умер.

– Твоя мама страдает от депрессии?

Я пожала плечами.

– Родители мне не говорят. Они стараются не обсуждать эту тему в моем присутствии. Знаю только, что в детстве ей приходилось нелегко. По словам мамочки, она рада, что ее родители умерли. Это случилось еще до моего рождения. Она говорит, ее родители были довольно жестокими людьми.

– Ничего себе. Если я когда-нибудь стану отцом, у моих детей будет нормальное детство. Такое, чтобы они вспоминали о нем с радостью, когда вырастут, и мечтали снова вернуться в те времена. Чтобы им не пришлось бороться с последствиями моего воспитания и лечиться у психиатра, – он поднял на меня глаза. – Я буду по тебе скучать.

– Я тоже буду по тебе скучать, но... не долго. Потому что ты вернешься.

– Я вернусь, обещаю.

Я сделала вид, что довольна и счастлива, открыла банку газировки и стала через трубочку потягивать напиток. После такого признания разговор на любую другую тему казался принужденным, каждая улыбка – натянутой. Мне хотелось насладиться оставшимся нам с Эллиоттом временем, но неминуемое расставание сводило на нет мои попытки взбодриться.

– Хочешь помочь мне собрать вещи? – спросил Эллиотт и поморщился от собственных слов.

– Не особо, но мне хочется видеть тебя так долго, как это возможно, раз ты уезжаешь. Так что да, я тебе помогу.

Мы собрали свои пожитки. Вдалеке зазвучали сирены, постепенно их вой стал громче. Эллиотт помедлил, потом помог мне подняться. Звук сирены все нарастал. Наверное, это ехала в нашу сторону машина пожарных.

Эллиотт скатал одеяло мамочки и сунул под мышку, я взяла пакеты с остатками еды и выбросила в урну. Эллиотт про-

тянул мне руку, и я без колебаний за нее взялась. Теперь, зная, что он скоро уезжает, я перестала беспокоиться о том, что отношения между нами изменились.

Когда мы подошли к Джунипер-стрит, Эллиотт крепче сжал мою ладонь.

– Давай занесем это одеяло к тебе домой, а потом пойдем ко мне собирать вещи.

Я кивнула и улыбнулась, когда Эллиотт стал раскачивать наши соединенные руки. Соседка, живущая через улицу, стояла на своем крыльце, держа на руках ребенка. Я помахала ей рукой, но она не помахала мне в ответ.

Эллиотт вдруг замедлил шаг, выражение его лица изменилось: стало озадаченным, а потом – встревоженным. Посмотрев на свой дом, я увидела полицейскую машину и карету «Скорой помощи». Оба автомобиля мигали красными и синими огнями. Я выпустила руку Эллиотта, пробежала мимо машин и рывком попыталась открыть калитку, забыв сдвинуть щеколду.

Подошел Эллиотт и уверенной рукой открыл калитку. Я вбежала внутрь, но на полпути к дому остановилась. Открылась входная дверь, и появился врач, толкая перед собой медицинскую каталку, на которой лежал папа. Он был бледен, глаза закрыты, на лице кислородная маска.

– Что... что случилось? – воскликнула я.

– Извините, – проговорил врач.

Они с санитаром открыли задние двери «Скорой» и стали

грузить носилки с папой в машину.

– Папа! – закричала я. – Папа!

Он не ответил, и двери автомобиля закрылись у меня перед носом.

Я подбежала к полицейскому, который спускался с крыльца.

– Что случилось?

Полицейский посмотрел на меня сверху вниз.

– Ты – Кэтрин?

Я кивнула, чувствуя, как на плечи опустились ладони Эллиотта.

Полицейский дернул уголком рта.

– Похоже, у твоего отца случился сердечный приступ. Твоя мама вернулась домой раньше обычного и нашла его лежащим на полу. Она сейчас внутри. Ты бы лучше... попробуй поговорить с ней. Она и двух слов не сказала с тех пор, как мы приехали. Возможно, у нее шок и ей тоже стоит поехать в больницу.

Я взбежала по ступенькам и бросилась в дом.

– Мамочка! Мамочка!

Она не отвечала. Я заглянула в гостиную, в кухню, потом пробежала по коридору, ведущему в гостиную. Мамочка сидела на полу и таращилась на ковер.

Я опустилась на колени возле нее.

– Мамочка?

Она не шелохнулась и, казалось, вообще меня не слыша-

ла.

– Все будет хорошо, – заверила я ее, похлопывая по колену. – Папа поправится. Наверное, нам нужно поехать в больницу и встретить его там. – Она не отвечала. – Мамочка? – Я осторожно ее потрясла. – Мамочка?

Нет ответа.

Я встала, прижала ладонь ко лбу, потом выбежала на улицу и схватила полицейского за рукав. «Скорая» как раз отъезжала от дома. Полицейский был толстый и обильно потел.

– Офицер, ммм... – я посмотрела на серебряный значок у него на груди, – Санчес? Мамочке... моей маме плохо.

– Она по-прежнему не разговаривает?

– Думаю, вы правы. Ей тоже нужно в больницу.

Полицейский кивнул и печально посмотрел на меня.

– Я надеялся, что тебе она ответит, – он поднес к губам маленькую рацию. – Четыре-семь-девять, вызываю диспетчера.

Женский голос ответил:

– Четыре-семь-девять, прием.

– Я забираю миссис Кэлхун и ее дочь в больницу. Когда мы приедем, миссис Кэлхун может понадобится медицинская помощь, пожалуйста, известите медиков.

– Вас поняла, четыре-семь-девять.

Я огляделась в поисках Эллиотта, но его нигде не было видно. Санчес поднялся по ступенькам и прошел напрямик в гостиную, где мамочка все так же сидела, уставившись в

пол.

– Миссис Кэлхун? – мягко обратился полицейский к мамочке, присаживаясь рядом с ней на корточки. – Это снова офицер Санчес. Я отвезу вас и вашу дочь в больницу, там вы сможете увидеть вашего мужа.

Мамочка покачала головой и что-то прошептала, но я не смогла разобрать, что именно.

– Вы можете стоять, миссис Кэлхун?

Мамочка никак не отреагировала на его вопрос, и тогда полицейский встал и начал поднимать ее на ноги. Я подхватила мамочку под другую руку, и вместе мы заставили ее встать. Поддерживая мамочку с двух сторон, мы довели ее до полицейской машины, усадили внутрь, и я пристегнула ее ремнем безопасности.

Санчес пошел к водительскому сиденью, а я снова огляделась по сторонам, надеясь увидеть Эллиотта.

– Мисс Кэлхун! – позвал Санчес.

Я открыла дверь со стороны пассажирского сиденья и юркнула внутрь. Когда мы отъезжали от дома, я все глядела вокруг, но Эллиотта нигде не было.

Глава пятая

Эллиотт

– Мамочка? Мамочка!

У Кэтрин было такое лицо... Я еще никогда и ни у кого не видел такого выражения лица. Она взбежала по ступенькам и скрылась за дверью, а я в нерешительности остановился, не зная, следует ли идти за ней следом.

Инстинкт подсказывал, что нужно остаться рядом с Кэтрин. Я шагнул на ступеньку, но полицейский прижал ладонь к моей груди.

– Ты член семьи?

– Нет, я ее друг. Друг Кэтрин.

Полицейский покачал головой.

– Тебе придется подождать снаружи.

– Но... – я попытался взять дверь штурмом, но крепкие пальцы стража порядка уперлись мне в грудь.

– Говорю же, жди здесь. – Я возмущенно уставился на него снизу вверх, но полицейский лишь равнодушно фыркнул. – Ты, должно быть, сын Кэй Янгблад.

– И что с того? – выплюнул я.

– Эллиотт? – на тротуаре стояла мама и прикладывала ко рту сложенные рупором ладони. – Эллиотт!

Я в последний раз глянул на дом, потом побежал к черно-

му железному забору. Солнце уже опустилось довольно низко, но у меня на лбу выступили капли пота, а воздух вдруг стал душным.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, хватаясь за острые зубцы железного забора, стоявшего за домом Кэлхунов.

Мама посмотрела на полицейскую машину, на «Скорую», потом бросила быстрый взгляд на дом и явно осталась недовольна увиденным.

– Что происходит?

– Думаю, что-то случилось с отцом Кэтрин. Меня не пускают внутрь.

– Нам лучше уйти. Идем.

Я нахмурился и покачал головой.

– Я не могу уйти. Случилось что-то плохое. Мне нужно убедиться, что с ней все в порядке.

– С кем?

– С Кэтрин, – нетерпеливо ответил я и повернулся, намереваясь вернуться к крыльцу, но мама ухватила меня за рукав.

– Эллиотт, идем со мной. Немедленно.

– Почему?

– Потому что мы уезжаем.

– Что? – в панике воскликнул я. – Но ведь предполагалось, что я уеду завтра!

– Планы изменились!

Я отдернул руку.

– Я никуда не поеду! Я не могу бросить ее здесь в такую минуту! Посмотри, что происходит! – Я обеими руками указал на машину «Скорой помощи».

Мама расправила плечи.

– Не смей отмахиваться от меня. Ты еще слишком юн, Эллиотт Янгблад.

Я отшатнулся. Если мама чувствовала, что к ней относятся неуважительно, то была страшна в гневе.

– Прости, но я должен остаться, мама. Это будет правильно.

Она всплеснула руками.

– Ты едва знаешь эту девочку!

– Она моя подруга, и я хочу убедиться, что с ней все будет хорошо. Что здесь такого?

Мама нахмурилась.

– Этот город токсичен, Эллиотт. Ты не можешь остаться. Я же предупреждала, чтобы ты не заводил друзей, особенно девочек. Мне и в голову не приходило, что ты свяжешься с Кэтрин Кэлхун.

– Что? О чем ты говоришь?

– Я сегодня звонила Ли, предупредить, что заеду за тобой. Она мне рассказала про эту девчонку Кэлхунов. Сказала, что ты дни напролет проводишь с ней. Ты здесь не останешься, Эллиотт, ни ради этой девочки, ни ради тети Ли, ни ради кого бы то ни было.

– Я хочу остаться, мама. Хочу ходить здесь в школу. Я уже

завел здесь друзей и...

– Я так и знала! – она ткнула пальцем в сторону улицы. – Это не твой дом, Эллиотт, – мама тяжело дышала, я видел: она собирается выдвинуть мне ультиматум. Она всегда поступала так с папой. – Если хочешь еще когда-нибудь вернуться сюда до своего восемнадцатилетия, то тащи свою задницу в дом твоих дяди и тети и собирай вещи.

У меня поникли плечи.

– Если я сейчас брошу Кэтрин, она не захочет, чтобы я возвращался, – умоляюще проговорил я.

Мама прищурилась.

– Я знала. Эта девочка для тебя больше чем друг, так? Последнее, что тебе нужно – это заделать ей ребенка! Они никогда не выберутся из этой проклятой дыры. Ты будешь привязан к этому месту навечно, и все из-за этой развязной девицы!

Я скрипнул зубами.

– Она не такая!

– Черт возьми, Эллиотт! – мама запустила ладонь в волосы и прошлась взад-вперед передо мной. – Знаю, сейчас ты не понимаешь, но позже ты поблагодаришь меня за то, что я уберегла тебя от этого места.

– Мне здесь нравится!

Она снова указала на улицу.

– Иди. Сейчас же. Иначе я больше никогда не привезу тебя сюда.

– Мама, пожалуйста! – взмолился я, указывая на дом.

– Иди! – завопила она.

Я вздохнул и посмотрел на полицейского. Тот, похоже, наблюдал за нашей с мамой перепалкой с веселым интересом.

– Вы ей скажете? Скажете Кэтрин, что мне пришлось уйти? Скажете ей, что я вернусь?

– Я затащу тебя в машину силой, Богом клянусь, – процедила мама сквозь зубы.

Полицейский выгнул бровь.

– Лучше ступай, парень. Похоже, твоя мама настроена серьезно.

Я протиснулся через калитку, прошел мимо мамы и потащился к дому дяди Джона и тети Ли. Она поспешила следом, не переставая ворчать, но я пребывал в таком смятении чувств, что совершенно не слышал ее нравоучений. Нужно попросить тетю Ли отвезти меня в больницу, чтобы проведать Кэтрин. Тетя Ли поможет мне все объяснить. Я чувствовал себя подавленным. Кэтрин будет так больно, когда она выйдет из дома и не увидит меня.

– Что стряслось? – спросила с порога тетя Ли. Я поднялся по ступенькам, быстро проскользнул мимо тети, рывком распахнул дверь и с грохотом захлопнул за собой. – Что ты натворила?

– Я? – вскинулась мама. – Это не я разрешала ему болтаться с девчонкой Кэлхунов без всякого надзора!

– Они просто дети. Эллиотт хороший мальчик, он бы ни-

когда не...

– Неужели ты не помнишь, какими становятся мальчики в этом возрасте? – завопила мама. – Ты знаешь, я не хочу, чтобы он здесь оставался, но намеренно смотришь сквозь пальцы на его похождения с этой девицей! Наверняка она тоже хочет, чтобы он остался. Как, по-твоему, она собиралась удержать его здесь? Уже забыла Эмбер Филипс?

– Не забыла, – спокойно ответила тетя Ли. – Они с Полом живут на нашей улице.

– Он учился в выпускном классе, а Эмбер была моложе на пару лет и боялась, как бы он не нашел себе другую девушку в университете. Сколько сейчас лет их ребенку?

– Коулсон учится в университете, Кэй, – продолжала тетя Ли. Она годами имела дело с непростым характером мамы и изрядно набила руку на этом деле. – Ты же сказала Эллиотту, что он может остаться до завтра.

– Раз я сегодня здесь, то мой сын уезжает сегодня.

– Кэй, ты тоже оставайся с ночевкой. Что изменит один день? Дай ему возможность попрощаться.

Мама наставила на мою тетю указательный палец.

– Я вижу, что ты пытаешься сделать. Эллиотт мой сын, а не твой! – Она повернулась ко мне. – Мы уезжаем. Ты больше ни минуты не проведешь в обществе этой девчонки Кэлхунов. Не хватало еще, чтобы она от тебя понесла, тогда ты застрянешь здесь навечно.

– Кэй! – укоризненно воскликнула тетя Ли.

– Ты же знаешь, через что мы с Джоном прошли, пока росли здесь. Травля, расизм, унижения! Ты действительно хочешь, чтобы Эллиотта постигла такая же участь?

– Нет, но... – Тетя Ли умолкла, явно пытаясь найти убедительный контраргумент.

Я смотрел на нее, безмолвно моля о помощи.

– Видишь? – закричала мама, указывая на меня пальцем. – Посмотри, как он на тебя смотрит! Словно ты можешь его спасти. Ты не его мать, Ли! Я попросила тебя о помощи, а ты попыталась отнять у меня сына!

– Он здесь счастлив, Кэй, – сказала тетя Ли. – Хотя бы пару секунд подумай о том, чего хочет сам Эллиотт.

– Я думаю о нем! Если тебе нравится жить в этой Богом забытой дыре, это вовсе не означает, что я позволю своему сыну остаться здесь, – выплюнула мама. – Собирай вещи, Эллиотт.

– Мама...

– Собирай вещи, черт возьми! Мы уезжаем!

– Кэй, пожалуйста! – воскликнула тетя Ли. – Подожди хотя бы, пока Джон вернется домой. Мы вместе все обсудим.

Я не сдвинулся с места, и мама помчалась в подвал.

Тетя Ли посмотрела на меня и беспомощно развела руками. В ее глазах блестели слезы.

– Прости. Я не могу.

– Знаю, – сказал я. – Все хорошо, не плачьте.

Мама вернулась, таща за собой мой чемодан и пару сумок.

– Садись в машину.

Она подтолкнула меня к двери.

Я обернулся через плечо.

– Вы расскажете Кэтрин? Скажете, что произошло?

Тетя Ли кивнула.

– Постараюсь. Я люблю тебя, Эллиотт.

Хлопнула входная дверь. Придерживая меня за плечо, мама отвела меня к своему пикапу «Тойота Такома» и открыла дверь со стороны пассажирского сиденья.

Я остановился и в последний раз попытался ее переубедить.

– Мама, пожалуйста. Я уеду вместе с тобой, только дай мне попрощаться, разреши мне все ей объяснить.

– Нет. Я не позволю тебе гнить в этом месте.

– Тогда зачем ты вообще привезла меня сюда? – выкрикнул я.

– Садись в машину! – заорала она в ответ, забрасывая сумки на заднее сиденье.

Я сел на пассажирское сиденье и со злостью захлопнул за собой дверь. Мама обежала машину, плюхнулась на водительское место, включила зажигание и резко рванула с места. Мы поехали в противоположную сторону от дома Кэлхунов, а когда проезжали мимо него, навстречу нам проехала «Скорая».

Потолок моей комнаты намертво отпечатался в моей памяти со всеми его трещинами, пятнами от воды, отслоившейся краской и пауком в углу. Я либо лежал на кровати, беспокоясь о том, что с каждым днем неприязнь Кэтрин ко мне растет, либо писал ей письма. В них я пытался все объяснить, умолял о прощении, давал новые обещания, которые, как и предрекла мама, не смог бы выполнить. По одному письму в день, так что к настоящему моменту у меня накопилось семнадцать штук.

Из гостиной на первом этаже доносились приглушенные, сердитые голоса родителей. Поводом для их сегодняшней ссоры послужили более ранние размолвки и твердое намерение выяснить, кто из нас троих в большей степени неправ.

– Но Эллиотт на тебя кричал! Ты говоришь, что позволила ему повесить на тебя голос? – вопил папа.

– Интересно, от кого он такого набрался?! – не уступала мама.

– Ах, так ты меня винишь? Оказывается, это я во всем виноват? Это же ты отправила его в то место. Зачем ты его туда отослала, Кэй? Почему оставила его в Дубовом ручье, если годами твердила, что хочешь держать сына подальше от этой дыры?

– А куда еще я должна была его отвезти? Лучше бы он

пожил там, чем сидел здесь и смотрел, как ты напиваешься!

– Ой, только не начинай. Клянусь Богом, Кэй...

– Что? Правда глаза колет? Каких действий ты от меня ждал? Эллиотт не мог оставаться здесь и наблюдать за нашей руганью... смотреть, как ты... у меня не осталось выбора! А теперь он влюблен в эту проклятую девчонку и хочет туда переехать!

Папа что-то тихо ответил, так что я не разобрал его слов, но уже через несколько секунд он снова перешел на крик:

– И ты увезла его оттуда, даже не дав попрощаться! Не удивительно, что он так сердит! Я бы тоже вышел из себя, если бы кто-то поступил так со мной, когда мы только начали встречаться. Ты хоть иногда думаешь о ком-то, кроме себя, Кэй? Неужели хоть на секунду ты не могла задуматься о чувствах собственного сына?

– Я именно о нем и думаю, потому что прекрасно помню, как со мной обращались в том городишке, пока я росла. Я не хочу для Эллиотта такой судьбы, не хочу, чтобы он застрял в этой дыре. И не делай вид, будто тебе не наплевать на сына. Ты интересуешься только своей идиотской гитарой и пивом!

– Признаю, я и впрямь люблю выпить, но гитару мою не трогай!

– Ты меня достал!

– Влюбиться в девчонку – это еще не приговор, Кэй! Они, скорее всего, расстанутся уже через месяц или родители девочки переедут.

– Ты меня вообще не слушаешь? – закричала мама. – Она из семьи Кэлхунов! Никуда они не уедут! Они хозяева этого города! Ли сказала, что Эллиотт одержим этой девчонкой уже несколько лет! Разве ты не ликовал бы, съедь от нас Эллиотт?! Ты с удовольствием избавился бы от ответственности за сына! Тогда ты мог бы и дальше воображать, будто тебе двадцать один, и у тебя есть шанс стать знаменитым музыкантом!

– Кэлхуны перестали владеть этим городом, еще когда мы с тобой учились в старшей школе. Боже мой, ты такая невежественная.

– Иди к черту!

Раздался звон бьющегося стекла, и папа закричал:

– Ты совсем с ума сошла?

Сейчас безопаснее всего было отсидеться в моей комнате. Сегодня мама с папой как обычно устроили словесную баталию, возможно, мама швырнула в папу телевизионным пультом или стаканом, но я в любом случае не рисковал и не бродил по дому. Через несколько дней после возвращения в Юкон стало ясно: ругаясь с мамой, я привлек ненужное внимание отца, а когда он принялся меня отчитывать, мама стала меня защищать и набросилась на него. В нашей семье и раньше-то все было беспокойно, а теперь стало гораздо, гораздо хуже.

Моя комната по-прежнему оставалась тихой гаванью, которая неизменно меня выручала, но она изменилась, и я ни-

как не мог понять, как именно. Все те же синие занавески на единственном окне, из которого видны стена соседского дома, покрытая облупившейся краской, да ржавый соседский кондиционер. В мое отсутствие мама немного прибралась, стерла пыль с бейсбольных и футбольных кубков, но не сдвинула их с места. Они стояли на полке в том же порядке и на том же расстоянии друг от друга, что и до моего отъезда. Однако вместо умиротворения привычная обстановка лишь напоминала о том, что я нахожусь в мрачной тюрьме, вдали от Кэтрин и бескрайних полей Дубового ручья. Я скучал по парку, по ручью, по долгим прогулкам, когда мы просто брели куда глаза глядят и по поеданию мороженого на скорость.

Хлопнула входная дверь, и я встал. Подошел к окну и выглянул наружу, прячась за занавеской. Пикап мамы отъезжал от дома, за рулем сидел папа. Моя мать сидела на пассажирском сиденье, и они продолжали орать друг на друга. Когда машина скрылась из виду, я выбежал из комнаты, выскочил на улицу и помчался к дому Доусона Фостера. Прозрачная дверь задребезжала под ударами моего кулака. Через несколько секунд на пороге появился Доусон. Его лохматые светлые волосы были зачесаны набок, но длинная челка все равно скрывала его карие глаза.

Он нахмурился, глядя на меня озадаченно.

– Тебе чего?

– Можно одолжить твой телефон? – спросил я, тяжело переводя дух.

– Наверное, – ответил он, отступая в сторону.

Я юркнул в дом, и мне в лицо сразу ударила волна охлажденного кондиционером воздуха. На потертом диванчике валялись пустые пакеты из-под чипсов, все горизонтальные поверхности покрывала пыль, частички которой танцевали в лучах солнечного света. Мне инстинктивно захотелось помахать рукой перед носом, чтобы отогнать их.

– Знаю, жарко, как в пекле, – сказал Доусон. – Мама говорит, что наступило «бабье лето». Что это значит?

Я уставился на него, и тогда он взял лежащий на журнальном столике телефон и протянул мне. Я схватил мобильный, стараясь вспомнить номер тети Ли. Набрал нужную комбинацию цифр, приложил телефон к уху и замер, молясь всем богам, чтобы тетя взяла трубку.

– Алло? – настороженно проговорила тетя Ли.

– Тетя Ли?

– Эллиотт? У вас все хорошо? Как дела?

– Неважно. Большую часть времени сижу под домашним арестом.

Тетя вздохнула.

– Когда начинаются футбольные тренировки?

– Как мистер Кэлхун?

– Что, прости?

– Отец Кэтрин. Он поправился?

– Мне жаль, Эллиотт. Похороны состоялись на прошлой неделе.

– Похороны, – я закрыл глаза, чувствуя, как сдавило грудь.

Затем на смену этому ощущению пришла ярость. – Эллиотт?

– Я здесь, – процедил я сквозь зубы. – Вы не могли бы... вы не могли бы пойти к Кэлхунам и объяснить Кэтрин, почему я уехал?

– Они ни с кем не хотят общаться, Эллиотт. Я уже пыталась: принесла им запеканку и партию шоколадных пирожных, но они даже не открыли дверь.

– Как Кэтрин? Вы не могли бы проверить, что с ней? – спросил я, потирая шею и затылок.

Доусон наблюдал, как я расхаживаю туда-сюда, в его глазах ясно читались беспокойство и любопытство.

– Я не смогла ее повидать, Эллиотт. Кажется, со дня похорон к ним вообще никто не заходил. Весь город шушукается. Мэвис и раньше была весьма странной особой, а теперь они просто закрылись в этом доме.

– Мне нужно вернуться.

– Разве у тебя не начинаются футбольные тренировки?

– Вы не могли бы приехать и забрать меня?

– Эллиотт, – укоризненно проговорила тетя Ли. – Ты же знаешь, я не могу. Даже если бы я приехала, твоя мама ни за что не позволила бы мне тебя забрать. Это плохая идея. Прости.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова.

– Пока, малыш. Я тебя люблю.

– Я тоже вас люблю, – прошептал я и вернул телефон До-

усону.

– Какого черта? – спросил тот. – Кто-то умер?

– Спасибо, что позволил воспользоваться твоим телефоном, Доусон. Мне надо бежать обратно, пока родители не вернулись.

Я рысью вылетел из дома, и мое лицо опалила волна жара. Когда я добежал до нашего крыльца и закрыл за собой дверь, пот тек с меня ручьем. Через несколько минут к дому подъехал мамин пикап. Я вернулся в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

Ее папа мертв. Отец Кэтрин умер, а я просто взял и исчез. Если раньше я не находил себе места от беспокойства, то теперь паниковал так, что готов был вылезти из кожи вон. Мало того что Кэтрин меня возненавидела, еще и ее, и ее мать никто не видел уже несколько дней.

– Глядите-ка, кто пришел, – сказала мама, когда я выскок из своей комнаты и стремглав пронесся через гостиную. Я прошел по коридору и вышел через дверь, ведущую в гараж. Отцовские гантели лежали в углу, а мне по-прежнему не разрешалось покидать дом. У меня остался только один способ выпустить пар: нагрузить мышцы так, чтобы руки-ноги дрожали от изнеможения.

– Привет, – сказала мама, появляясь в дверном проеме. Она прислонилась к дверному косяку (с одной стороны двери громоздились велосипедные покрышки, а с другой стоял стеллаж со всяким барахлом) и стала смотреть, как я подни-

маю гантели. – Все хорошо?

– Нет, – процедил я сквозь зубы.

– Что происходит?

– Ничего! – огрызнулся я, чувствуя, как мышцы горят огнем.

Мама наблюдала, как я машу гантелями, и морщинки вокруг ее глаз становились все глубже. Она скрестила руки на груди.

– Эллиотт?

Я сосредоточился на звуке своего дыхания, надеясь, что Кэтрин услышит мой мысленный призыв, несмотря на разделяющее нас расстояние.

– Эллиотт!

– Что? – рявкнул я, роняя гантели. Мама подпрыгнула от грохота, потом вошла в гараж.

– Что с тобой происходит?

– Где папа?

– Я оставила его в баре «У Грега». А что?

– Он вернется?

Она вздернула подбородок, всем своим видом выражая, как озадачена моим вопросом.

– Разумеется.

– Не веди себя так, будто вы не скандалили целый день.
Снова.

Мама вздохнула.

– Прости. В следующий раз мы постараемся вести себя

потеше.

– А смысл? – фыркнул я.

Мама поглядела на меня с недобрый прищуром.

– Случилось что-то еще.

– Неа.

– Эллиотт, – с угрозой в голосе повторила мама.

– Папа Кэтрин умер.

Она нахмурилась.

– Как ты об этом узнал?

– Просто знаю.

– Ты разговаривал со своей тетей Ли? Как? Я же забрала у тебя мобильный, – я не ответил, и мама указала пальцем на пол. – Ты все делаешь украдкой, у меня за спиной?

– Ты не оставила мне выбора.

– Я могу сказать то же самое о тебе.

Я возвел глаза к потолку, и мама гневно нахмурилась. Она терпеть не могла, когда я так делал.

– Ты притащила меня обратно и закрыла в моей комнате, чтобы я слушал, как вы с папой целый день грызетесь? Это твой хитрый план, благодаря которому у меня должно появиться желание остаться здесь?

– Знаю, в последнее время в нашей семье все непросто...

– В последнее время наша семья в полной заднице. Мне осточертело тут сидеть.

– Ты здесь всего две недели.

– Я хочу домой!

Мама покраснела.

– Твой дом здесь! Ты останешься в нем!

– Почему ты не дала мне объяснить Кэтрин, почему я уехал? Почему не позволяешь узнать, все ли с ней хорошо?

– Почему ты не можешь просто забыть эту девчонку?

– Я волнуюсь за нее! Она моя подруга, и сейчас ей очень плохо!

Мама закрыла глаза ладонью, потом опустила руку и повернулась к двери. У самого порога она остановилась и обернулась через плечо.

– Нельзя спасти всех.

Я посмотрел на нее исподлобья, сдерживая гнев.

– Я просто хочу спасти ее.

Мама ушла, а я наклонился, взял гантели и поднял над головой. Затем опустил, снова поднял, еще и еще, пока у меня не затряслись руки. Я не хотел становиться похожим на своего отца, не хотел размахивать кулаками всякий раз, когда что-то выводило меня из душевного равновесия. Однако первое, что приходило мне на ум в такие минуты – это желание броситься в драку, и эти порывы иногда меня пугали. Приходилось постоянно держать злость под контролем. Особенно сейчас, когда необходимо придумать, как добратся до Кэтрин. Нужно сохранить холодную голову. Стоит придумать план и не дать себе удариться в истерику.

Я упал на колени, и гантели второй раз громыхнули об пол, хотя я их не выпустил. Грудь сдавило отчаяние, легкие

требовали кислорода, руки тряслись, бетонный пол больно врезался в костяшки пальцев. Слезы жгли мне глаза, и от этого злость разгоралась во мне с новой силой. Отбросить эмоции, чтобы найти путь к девушке, которую я любил, казалось так же невозможно, как и вернуться в Дубовый ручей.

Глава шестая

Кэтрин

Пронзительный скрип ржавых петель калитки объявил о моем возвращении из школы. С начала учебного года прошло меньше двух недель, но я уже чувствовала себя совершенно разбитой, а мозг отказывался воспринимать новую информацию. Таща на спине рюкзак, я прошла по грязной неровной подъездной дорожке, ведущей к крыльцу. Миновала сломанный «Бьюик», который должен был стать моим в день моего шестнадцатилетия, споткнулась о выбоину в бетонной плите и упала на колени.

«Упасть просто, гораздо труднее снова подняться».

Я потерла свои костлявые коленки и прикрыла лицо ладонью, защищаясь от порыва горячего ветра, норотившего зашвырнуть песок мне в глаза. Вывеска над крыльцом поскрипывала, и я подняла глаза, наблюдая, как она покачивается взад-вперед. Для всех остальных жителей города это место было гостиницей «На Джунипер-стрит», но, к моему великому сожалению, для меня оно было домом.

Я встала и кое-как отряхнула грязь с ободранных в кровь ладоней и коленей. Плакать бесполезно, ведь никто меня не услышит.

Рюкзак оттягивал мне плечо, будто вместо учебников в

нем лежали кирпичи. Я поднялась по ступеням крыльца, торопясь поскорее попасть внутрь. Старшая школа Дубового ручья находилась в восточной части города, а мой дом – в западной. Мои плечи болели после долгого пути пешком под палящим солнцем. В идеальном мире мамочка встречала бы меня в дверях с улыбкой на лице и стаканом сладкого чая в руке, но покрытая пылью дверь была закрыта, и свет не горел. Мы жили в ее мире.

Я сердито заворчала на огромную, арочной формы дверь. Она хмурилась всякий раз, когда я приходила домой, издевалась надо мной. Потянув за ручку, я втащила рюкзак в прихожую. Несмотря на отвратное настроение и грызущее чувство голода, я осторожно прикрыла дверь, не давая ей хлопнуть.

В доме было пыльно, темно и жарко, но все равно лучше, чем снаружи, где нещадно палило солнце и пронзительно стрекотали цикады.

Мамочка не стояла возле двери, держа в руках чашку чая со льдом. Ее вообще нигде не было. Я постояла, затаив дыхание и прислушавшись, чтобы определить, кто сейчас в доме.

Вопреки желанию папы, мамочка потратила большую часть денег, которые мы получили благодаря его страховке, чтобы превратить это место в мини-отель на семь номеров. Как и предсказывал папа, новые постояльцы к нам приезжали редко, а постоянных жильцов было слишком мало. Даже после продажи мамочкиной машины мы постоянно запазды-

вали с оплатой счетов. И после получения социального пособия, и при условии, что все номера сдавались бы постоянно, вплоть до моего выпускного, все равно все деньги уходили бы на уплату долгов. Банк забрал бы наш дом, меня бы отправили в приют, а мамочке и постояльцам пришлось бы найти способ жить вне стен гостиницы.

Задыхаясь от спертого, влажного воздуха, я решила открыть окно. Лето выдалось на редкость жарким, даже по меркам Оклахомы, и осень не спешила радовать прохладой. Несмотря на это мамочка не любила включать кондиционер – он работал, только если мы ожидали гостей.

И мы как раз их ждали. Все время, всегда.

В коридоре этажом выше раздались шаги. Хрустальная люстра задрезжалась, и я улыбнулась. Вернулась Поппи.

Я оставила рюкзак возле двери и стала взбираться по деревянной лестнице, перешагивая через две ступеньки зараз. Поппи стояла у окна в конце коридора и смотрела на задний двор.

– Хочешь выйти на улицу и поиграть? – предложила я и протянула руку, чтобы погладить ее по волосам.

Она покачала головой, но не повернулась ко мне.

– Ой-ой. Неудачный день? – спросила я.

– Папочка не разрешает мне выходить из дома, пока он не вернется, – захныкала Поппи. – Его уже давно нет.

– Ты обедала? – Она покачала головой. – Держу пари, твой папа разрешит тебе выйти на улицу вместе со мной, если сна-

чала ты съешь бутерброд. Что предпочитаешь: арахисовое масло или варенье?

Поппи улыбнулась от уха до уха. Она была мне почти как младшая сестра, я заботилась о ней с первого вечера, как она появилась здесь. Она и ее отец стали нашими первыми посетителями после смерти моего папы.

Поппи вперевалячку зашагала вниз по лестнице, потом смотрела, как я роюсь в шкафчиках в поисках хлеба, ножа, варенья и арахисового масла. Уголки ее грязного рта поползли вверх, пока она наблюдала, как я делаю бутерброды, а потом добавляю к ним банан.

Когда я была маленькой, как Поппи сейчас, мамочка всегда старалась накормить меня чем-то полезным, а теперь, за пять месяцев до моего восемнадцатилетия, я сама была взрослой и заботилась о Поппи. Так повелось с тех пор, как умер папа. Мамочка никогда не благодарила меня и не признавала того, что я делала ради нас, хотя я и не ждала ничего подобного. Наша жизнь свелась к тому, чтобы пережить каждый отдельно взятый день. Загадывать дальше завтрашнего утра было для меня слишком мучительно, и я не могла позволить себе роскошь все бросить. По крайней мере одна из нас должна была поддерживать привычный ход вещей, пока у нас еще хоть что-то осталось.

– Ты завтракала? – спросила я, пытаюсь вспомнить, когда они с отцом поселились в гостинице.

Поппи кивнула, запихивая в рот бутерброд. Ее и без того

грязные щеки окрасились виноградным вареньем.

Я принесла в столовую рюкзак и положила на пол у нашего длинного прямоугольного стола, недалеко от того места, где сидела Поппи. Пока она чавкала и утирала липкий подбородок тыльной стороной ладони, я закончила домашнее задание по геометрии. Поппи была счастливым, но одиноким ребенком, как и я. Обычно мамочке не нравилось, если я пыталась завести друзей, если не считать заходившую время от времени Тэсс. Но она по большей части рассказывала о своем доме, стоявшем в конце улицы. Немного странная, она была на домашнем обучении, и все же с ней можно было поговорить. К тому же ее не интересовали внутренние порядки гостиницы, а у меня все равно не было времени на досужие разговоры. Мы не могли позволить, чтобы посторонние видели, что происходит в стенах нашего дома.

Снаружи загудел автомобиль, и я, осторожно отодвинув штору, выглянула в окно. Жемчужно-белый «Мини Купер» Пресли был полон ее клонов. Все они, как и я, теперь были старшеклассницами. Верх был поднят, клоны смеялись и дергали головами в такт музыке, а Пресли притормозила возле нашего дома. Два года назад меня, возможно, охватили бы зависть и грусть, но теперь почувствовала только оцепенение. Часть меня, та, что жаждала машин, свиданий и новых нарядов, умерла вместе с папой. Желать того, чего не можешь получить, слишком больно, так что я предпочла отказаться от любых мечтаний.

Нам с мамочкой нужно было оплачивать счета, а это означало хранить тайны ради людей, ходивших по коридорам. Если бы наши соседи узнали правду, то не захотели бы, чтобы мы остались здесь. Поэтому мы оставались верны всегдашней гостинице и охраняли их секреты. Я была готова пожертвовать несколькими друзьями, лишь бы мы смогли и дальше жить все вместе, вдали от мира.

Едва я открыла заднюю дверь, Поппи сбежала по деревянным ступенькам во двор, разбежалась и встала на руки, сделав немного кривое колесо. Она хихикнула, закрыла рот ладошками и села на сухую золотистую траву. Травинки хрустели у нас под ногами, и от этого звука у меня пересохло во рту. Это лето стало одним из самых жарких на моей памяти. Даже сейчас, в конце сентября, листья на деревьях усохли, а земля состояла из мертвых растений, пыли и жуков. Взрослые вспоминали о дожде, как о чем-то давно минувшем и сказочном.

– Папочка скоро вернется, – сказала Поппи с оттенком грусти в голосе.

– Знаю.

– Расскажи еще раз. Ту историю твоего рождения. Историю твоего имени.

Я улыбнулась и присела на верхнюю ступеньку крыльца.

– Опять?

– Опять, – кивнула Поппи, рассеянно собирая с земли сухие былинки.

– Всю жизнь мамочка хотела быть принцессой, – благоговейно начала я. Именно таким тоном эту историю рассказывал папа, когда укладывал меня спать. Он повторял для меня рассказ о моем имени каждый вечер, до самой своей смерти. – Когда ей было всего десять, она мечтала о пышных платьях, мраморных полах и золотых чашках. Она так сильно этого хотела, что верила: однажды ее мечта сбудется. Когда она вышла замуж за папу, то знала, что на самом деле он принц.

Поппи вскинула брови и вытянула шею, впитывая мои слова.

– Но на самом деле твой папа не был принцем.

Я покачала головой.

– Не был. И все же мамочка полюбила его больше, чем свою мечту.

– И тогда они поженились, и у них родился ребенок.

Я кивнула.

– Мамочка хотела быть королевой и даровала имя и титул другому человеку, который был ей ближе всех на свете. Ей казалось, что имя Кэтрин подходит для принцессы.

– Кэтрин Элизабет Кэлхун, – проговорила Поппи, выпрямляя спину.

– Величественно, правда?

Поппи наморщила нос.

– Что такое «величественно»?

– Прошу прощения, – прозвучал низкий голос из угла дво-

ра.

Поппи вскочила и уставилась на незваного гостя.

Я встала рядом с ней и приставила ладонь козырьком ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца. Сначала я видела только темный силуэт, но потом разглядела лицо. Я едва его узнала, но на груди у него висел фотоаппарат, и это его выдало.

Эллиотт стал выше, его плечи стали шире, руки мускулистее. Четко очерченная челюсть делала его похожим на мужчину, а не на того мальчика, который остался в моей памяти. Волосы стали длиннее, теперь они доходили ему до середины лопаток. Он опирался локтями о наш забор и улыбался, всем своим видом выражая надежду.

Я обернулась через плечо и велела Поппи:

– Иди в дом.

Она встала и молча вошла внутрь. Я посмотрела на Эллиотта и отвернулась.

– Кэтрин, подожди!

– Я долго ждала! – огрызнулась я.

Эллиотт сунул руки в карманы шорт цвета хаки, и у меня защемило сердце. Он так изменился с того дня, когда я видела его в последний раз, и все же остался прежним. В нем мало что осталось от худого, долговязого подростка, с которым я познакомилась два года назад. Он больше не носил брекеты и мог похвастаться идеальной улыбкой – белые зубы казались еще белее из-за его смуглой кожи.

Эллиотт сглотнул, дернув кадыком.

– Я... Я...

«Обманщик».

Он поправил на шее толстый черный ремень, на котором висел фотоаппарат. Было видно, что он нервничает, мучается чувством вины... Какой же он красивый.

Эллиотт снова попытался заговорить.

– Мне...

– Тебе здесь не рады, – проговорила я, медленно отступая к крыльцу.

– Я только что переехал, – продолжал он, – к своей тете? Пока родители оформляют развод. Папа теперь живет с новой подружкой, а мама большую часть дня лежит в постели, – он поднял кулак и ткнул большим пальцем себе за спину. – Я теперь буду по соседству? Помнишь, где живет моя тетя?

Мне не нравилось, что он произносит все это с вопросительной интонацией. Даже если бы мне вновь захотелось поболтать с парнем, то ему стоило бы говорить уверенно и неторопливо, чтобы вызвать у меня хоть каплю заинтересованности. «Болтать стоит лишь о чем-то интересном», – как всегда утверждал папа.

– Уходи, – сказала я, глядя на фотоаппарат Эллиотта.

Он слегка приподнял хитроумную штуковину длинными пальцами и улыбнулся. Его новый фотоаппарат был старым, возможно, старше его самого.

– Кэтрин, пожалуйста. Позволь мне все объяснить?

Я не ответила и потянулась к дверной ручке. Эллиотт вы-

пустил из рук фотоаппарат и протянул ко мне руку.

– С завтрашнего дня я начну ходить в школу. Перевелся сюда в последний год учебы, представляешь? Было бы... было бы здорово, если бы у меня была хотя бы одна знакомая?

– Учеба уже началась, – огрызнулась я.

– Знаю. Пришлось отказаться от обучения в Юконе, только после этого мама наконец позволила мне переехать.

В его голосе прозвучало отчаяние, и моя решимость немного дрогнула. Папа всегда говорил, что я слишком стараюсь спрятать свой мягкий характер под маской непреклонности.

– Ты прав. Это неприятно, – произнесла я прежде, чем успела остановиться.

– Кэтрин, – взмолился Эллиотт.

– Знаешь, что еще неприятно? Быть твоим другом, – выпалила я и повернулась к двери.

– Кэтрин! – на пороге стояла мамочка. – Я еще никогда не видела, чтобы ты так грубо себя вела.

Мамочка была женщиной высокой, но ее фигура состояла из мягких изгибов, к которым я так любила прижиматься в детстве. После смерти папы было время, когда мамочка исхудала, ключицы у нее выступали так сильно, что отбрасывали тени, и обнимать ее было все равно что прильнуть к безжизненным ветвям сухого дерева. Теперь ее щеки снова округлились, и сама она снова стала мягкой, хотя почти перестала меня обнимать. Теперь я обнимала ее.

– Прости, – сказала я.

Мамочка права. Она еще никогда не видела, чтобы я проявляла грубость. Я вела себя так, только когда мамы не было поблизости, чтобы держать настойчивых людей на расстоянии. Гостеприимство стало частью ее профессии, дерзость ее огорчала, но нам требовалось хранить свои секреты.

Она тронула меня за плечо и поморщилась.

– Что ж, ты же моя дочка, да? Так что, полагаю, мне некого винить.

– Добрый день, мэм, – сказал Эллиотт. – Я – Эллиотт Янгблад.

– А я Мэвис, – представилась мамочка и улыбнулась приятной, вежливой улыбкой, словно удушающая жара на нее не действовала.

– Я только что переехал к своей тете Ли, она живет на вашей улице.

– Ли Паттерсон Янгблад?

– Да, мэм.

– О, боже, – проговорила мамочка и захлопала глазами. – И как же ты ладишь со своей тетей Ли?

– Теперь уже лучше, – ответил Эллиотт и хитро улыбнулся.

– Вот как, что ж, дай Бог ей здоровья. Боюсь, она редкостная дрянь. Совершенно не изменилась со старшей школы, – сказала мамочка.

Эллиотт улыбнулся, и я поняла, как сильно по нему ску-

чала. В глубине души я заплакала. Я постоянно так делала с тех пор, как он уехал.

– Батюшки, где же наши манеры? Не хочешь ли зайти, Эллиотт? Полагаю, у меня есть чай, свежие фрукты и овощи из сада. Или то, что от них осталось после этой засухи.

Я повернулась к мамочке и прожгла ее взглядом.

– Нет. Нам нужно работать. Поппи и ее отец здесь.

– Ах, да, – пробормотала мамочка, прикладывая ладонь к груди. Она вдруг сильно занервничала. – Извини, Эллиотт.

– В другой раз, – ответил он и поднял руку в знак прощения. – Увидимся завтра, принцесса Кэтрин.

Я сразу напряглась.

– Не называй меня так. Никогда.

Я увела мамочку внутрь и захлопнула за нами стеклянную дверь. Мамочка дергала край фартука и закручивала его. Я отвела ее наверх по коридору, потом еще на пять ступеней вверх в гостевую комнату и жестом предложила ей присесть перед туалетным столиком. С тех пор как умер папа, она ни одной ночи не смогла провести в их старой спальне, поэтому мы переоборудовали небольшую комнату на чердаке. Теперь мамочка обитала там.

Она пригладила волосы, достала платочек и стерла со щеки грязь.

– Господи, не удивительно, что ты не захотела впустить его в дом. Я просто пугало.

– Ты много работала, мамочка, – я взяла ее расческу и

начала расчесывать ей волосы.

Она заметно расслабилась и улыбнулась.

– Как прошел твой день? Как дела в школе? Ты доделала домашнюю работу?

Не удивительно, что ей понравился Эллиотт. Она тоже стала изъясняться одними вопросами.

– Все хорошо, и, да, доделала. Только геометрию.

Мамочка фыркнула.

– Только геометрию, – она скопировала мой небрежный тон. – Я едва могла решить простое уравнение по алгебре.

– Это неправда, – возразила я.

– И то благодаря твоему отцу... – она замерла, и ее взгляд стал отсутствующим.

Я отложила расческу и вышла из комнатки. Прошла по коридору, спустилась вниз по лестнице, ища, чем бы заняться. Мамочка расстроилась и теперь будет сидеть у себя до конца дня. Она целыми днями делала вид, что все прекрасно, но время от времени речь неизбежно заходила о папе. Каждый раз это становилось для нее тяжелым ударом, она погружалась в воспоминания и уходила к себе. Я же оставалась: прибиралась, готовила, беседовала с гостями. Делила время между чтением книг и попытками поддерживать порядок в этом доме. Несмотря на то что гости у нас появлялись редко, работы в гостинице хватало. Тут и два сотрудника на полной ставке справились бы с трудом. Порой вечерами я радовалась, когда мамочка закрывалась у себя, предо-

ставив мне делать всю работу. Погружаясь в дела, я обретала душевный покой.

Хлопнула дверь и на верхней лестничной площадке появилась Поппи.

– Кэтрин!

Я побежала вверх по ступенькам, обняла ее и держала, пока та захлебывалась рыданиями.

– Папочка опять уехал!

– Мне жаль, – пробормотала я, покачивая ее.

Иметь дело с Поппи было приятнее, чем с ее отцом. Дюк был громогласным сердитым человеком, вечно на всех орал и постоянно был занят. Общаться с таким жильцом то еще удовольствие. Когда Дюк был поблизости, Поппи вела себя очень тихо. Мамочка тоже помалкивала, предоставляя мне с ним разбираться.

– Я останусь с тобой, пока он не вернется, – пообещала я.

Поппи кивнула и уткнулась лбом мне в грудь. Я сидела вместе с ней на красной потертой ковровой дорожке, покрывавшей ступеньки лестницы, пока не пришло время укладывать ее спать. Я подоткнула ей одеяло.

Я не знала, будет ли Поппи здесь утром, но решила, что нетрудно приготовить ей что-то сладкое на завтрак, а еще сделать омлет для Дюка. Я спустилась в кухню и стала готовиться к утру. Если я собиралась в школу, готовила мамочка.

Помыв и убрав в холодильник свежесрезанные помидоры, лук и грибы, я снова поднялась по лестнице.

У мамочки бывали хорошие и плохие дни. Сегодняшний день получился ни то ни се. Бывало и похуже. У мамочки не хватало сил, чтобы управлять гостиницей. Я до сих пор не понимала, каким образом удерживаю нас на плаву. Но если сосредоточиться только на том, чтобы продержаться один день и дожить до следующего, масштаб проблемы становится неважен, главное – это переделать все дела на сегодня.

Я приняла душ и через голову натянула на себя пижаму. Пижамными штанами я пренебрегла, было слишком жарко, чтобы их надевать, а потом забралась в постель.

В тишине дома раздалось хныканье Поппи. Я замерла, выжидая, уснет ли она или встанет и отправится бродить по коридору. По ночам ей было тяжело находиться в доме, и я задумалась, как она жила, когда ее не было в гостинице: грустила ли она, боялась чего-то, чувствовала одиночество или пыталась забыть, как жила здесь, на Джунипер-стрит. Из тех немногих рассказов, что мне удалось из нее вытащить, я знала, что матери у Поппи нет. Ее отец, Дюк, наводил на девочку ужас. Девочка оказалась в замкнутом круге: она то ехала вместе с отцом в машине, когда тот переезжал с места на место, то подолгу оставалась одна, порой даже на несколько дней, из-за того, что отец работал. Больше всего она любила проводить время в гостинице, но это был лишь маленький кусочек ее жизни.

Мысли о завтрашнем дне в школе вытеснили из моей головы тревогу о Поппи. Теперь придется работать еще усерд-

нее, чтобы держать людей подальше от нас, и прикладывать еще больше усилий, чтобы держать Эллиотта подальше от дома. На Джунипер-стрит мы с ним были единственными ребятами одного возраста. Если не считать Тэсс и одного дошкольника, на нашей улице было полно пустых домов, а в других обитали пенсионеры, чьи дети и внуки жили за полстраны отсюда. Избегать или игнорировать Эллиотта будет не так просто.

Возможно, он быстро станет популярным и уже не захочет дружить со мной. Вероятно, он станет называть меня странной и плевать мне на волосы, как некоторые мои одноклассники. Наверное, этим Эллиотт упростит мне задачу, и я легко его возненавижу. Засыпая, я надеялась, что так все и будет. Ненависть делает одиночество проще.

Глава седьмая

Кэтрин

Короткие белые веревочки, привязанные к потолочному вентилятору, слегка покачивались в такт негромкому гудению, раздававшемуся в недрах школьной вентиляционной системы. Веревочки призваны были показать, что система кондиционирования работает – и она работала, правда, не очень хорошо.

Скотти Нил согнулся пополам, потянулся так, что достал до моей парты, потом издал тяжкий вздох. Он задрал подол своей футболки и утер им пот с покрытого алыми пятнами лица.

Теперь мои волосы отросли ниже плеч, но сегодня я собрала их в пучок на макушке. Короткие волоски на затылке щекотали мокрую от пота шею, и я пригладила их, чтобы не мешали. Другие ученики тоже беспокойно ерзали на стульях, изнемогая от зноя.

– Мистер Мейсон, – простонал Скотти. – Можно нам настольный вентилятор? Воды? Хоть что-нибудь?

Мистер Мейсон промокнул лоб носовым платком и уже в десятый раз поправил очки на узком носу.

– Это хорошая идея, Скотти. Перерыв на воду. Воспользуйтесь фонтанчиком за углом. На пути отсюда и до фонтан-

чика расположены другие классы, и в них идут занятия. Я хочу, чтобы соблюдалась тишина и чтобы вы вернулись через пять минут.

Скотти кивнул, ножки стульев заскрипели, двигаясь по приглушенно-зеленой плитке. Все встали и направились к дверям, совершенно не заботясь о соблюдении тишины. Минка прошла мимо меня, ее выющиеся волосы почти свернулись тугими локонами. Она бросила на меня сердитый взгляд через плечо. Все еще сердилась, что я бросила их с Оуэном два года назад.

Мистер Мейсон поглядел на гомонящих учеников, закатил глаза, а потом заметил меня, единственную ученицу, оставшуюся в классе.

– Кэтрин?

Я подняла брови, показывая, что внимательно его слушаю.

– Ты разве не хочешь пить? – он помахал рукой, уже зная ответ. – Ах, этот цирк. Я понял. Тогда сходи к фонтанчику, когда все остальные вернутся, хорошо?

Я кивнула и принялась чертить линии и кружочки в тетради, стараясь не смотреть на пятно пота, расплывающееся по рубашке учителя в районе пивного животика.

Мистер Мейсон вдохнул, потом длинно выдохнул. Он явно хотел задать мне какой-то вопрос, наверное, о том, как у меня дела и все ли хорошо у нас дома, но, очевидно, передумал. Все «хорошо», «отлично» или «нормально». Год

назад в его классе тоже все было «хорошо», «отлично» или «нормально». Раньше он каждую пятницу спрашивал меня об этом, но к рождественским каникулам перестал.

После того как половина учеников вернулась, мистер Мейсон посмотрел на меня поверх очков.

– Итак, Кэтрин?

Не желая протестовать на глазах остальных, я кивнула, встала и направилась к двери, не поднимая глаз от зеленых и белых плиток на полу. Смешки и перешептывания стали громче, затем в поле моего зрения показались несколько пар ботинок.

Я остановилась позади всех, а клоны захихикали.

– Очень мило с твоей стороны занять последнее место, – сказала Пресли.

– Я после нее пить не стану, – проворчала Анна Сью.

Я вонзила ноготь большого пальца себе в руку.

Пресли с усмешкой посмотрела на подружку, а потом обратилась ко мне.

– Как там дела в гостинице, Кэти? Когда я проезжала мимо нее в последний раз, мне показалось, что ваше заведение закрыто.

Я вздохнула.

– Кэтрин.

– Извини? – переспросила Пресли, делая вид, что возмущена тем, что я вообще подала голос.

Я посмотрела на нее.

– Меня зовут Кэтрин.

– Ой, – издевательским тоном протянула Пресли. – Кит Кат сегодня не в духе.

– Решила снизойти до простолюдинов, – проворчала Минка.

Я стиснула зубы и сжала кулак.

– Я слышала, у них там живут привидения, – вставила Татум, блестя глазами от восторга. Она отбросила со лба мешающие осветленные пряди.

– Да, – огрызнулась я, – а еще мы пьем кровь девственниц, – потом добавила, поворачиваясь к классу: – Так что вы все в безопасности.

Я вбежала обратно в класс, где мне ничто не угрожало в присутствии мистера Мейсона, и села на свое место. Учитель не заметил меня, хотя никто его не отвлекал, не разговаривал и не переходил с места на место. Было так жарко, что даже дышать получалось с трудом.

Вернулся Скотти, тыльной стороной ладони вытирая капли воды с подбородка. Этот жест напомнил мне Поппи, и я задумалась, будет ли она в гостинице, когда я вернусь домой, какая помощь понадобится мамочке и не заселился ли к нам новый постоялец, пока меня не было.

– Я могу тебе помочь? – спросил мистер Мейсон.

Я подняла глаза от тетради. На пороге стоял Эллиотт Янгблад, обутый в огромные кроссовки, похожие на маленькие лодки. В одной руке он держал белый листок бумаги, а в дру-

гой – полинялую красную сумку. Вернулись еще несколько старшеклассников и стали протискиваться мимо Эллиотта, словно он неодушевленный предмет, так что тому пришлось посторониться. Ни извинений, ни сожалений из-за того, что они потерлись об него своими потными плечами.

– Это мне? – спросил мистер Мейсон, кивая на бумагу в руке Эллиотта.

Эллиотт подошел к учительскому столу, едва не задев головой макет планеты Сатурн из папье-маше, висящий под потолком.

Я представила, за что могла бы его возненавидеть. Слишком низкие и слишком высокие люди обычно крайне чувствительны из-за таких особенностей своей внешности, и Эллиотт наверняка стал обидчивым и неуверенным в себе. Рядом с таким невозможно находиться.

Он протянул мускулистую руку и передал мистеру Мейсону бумагу. При этом он слегка сморщил нос. Меня злили его движения и мускулы, раздражало то, каким высоким он стал, что он не похож на себя прежнего и что выглядит старше. Главным образом я ненавидела его за то, что он бросил меня, когда умер папа. Я подарила Эллиотту целое лето своей жизни, мое последнее лето вместе с папой, но когда я так нуждалась в нем, он оставил меня одну.

Мистер Мейсон, прищурившись, прочитал бумагу, затем положил ее на небрежно сложенную на столе стопу других бумаг.

– Добро пожаловать, мистер Янгблад. – Мистер Мейсон посмотрел на Эллиотта снизу вверх. – Вы приехали к нам из Белого Орла?

Эллиотт слегка приподнял бровь, показывая, что шокирован таким невежественным предположением.

– Нет?

Мистер Мейсон указал на свободное место в заднем ряду, и Эллиотт спокойно прошел по проходу между партами мимо меня. Раздалось несколько смешков, и, обернувшись, я увидела, что он пытается уместить свои длиннющие ноги под партой. Я была довольно невысокой, и до сих пор мне не приходило в голову, что наши столы больше подходят для маленьких детей. Эллиотт же был невероятно высоким, и уместиться за такой партой ему было довольно трудно.

Он поерзал, пытаясь устроиться поудобнее, так что металлические петли заскрипели, и снова раздалась смешки.

– Так, так, – сказал мистер Мейсон, вставая. Он поднял руки, призывая класс к тишине, и стали видны пятна пота на подмышках его рубашки. Ученики откровенно засмеялись.

Вошла школьный психолог, оглядела класс и, заметив Эллиотта, вздохнула с очень недовольным видом.

– Майло, мы же это обсуждали. Мистеру Эллиотту понадобятся отдельные стол и стул. Мне казалось, что здесь они есть.

Мистер Мейсон нахмурился, недовольный вторым вторжением в его класс за последние пять минут.

– Все в порядке, – сказал Эллиотт.

Он говорил глубоким и ровным голосом, так что каждый звук был очень четким.

– Миссис Мейсон, – учитель произнес это пренебрежительным тоном мужа, который вскоре станет бывшим. – У нас все под контролем.

Выражение профессионального терпения исчезло с лица психолога, сменившись раздражением. Ходили слухи, что Мейсоны судились еще прошлой весной и в итоге сошлись на раздельном проживании, но миссис Мейсон определенно переносила случившееся куда лучше, чем мистер Мейсон.

Миссис Мейсон похудела фунтов на сорок, слегка осветлила свои темно-каштановые волосы и стала наносить больше макияжа. Ее кожа теперь сияла здоровьем, а морщинки вокруг глаз разгладились. Она источала счастье, оно светило в ее глазах и отражалось от пола. Где бы она ни прошла, по воздуху за ней тянулся радужный след с ароматом роз. Миссис Мейсон жилось лучше без мужа. А вот мистеру Мейсону без жены приходилось туго.

Мистер Мейсон вскинул перед собой руки ладонями вверх.

– Мебель в кладовке. Я перенесу ее позже.

– Да все в порядке, – повторил Эллиотт.

– Поверь мне, сынок, – пробормотал мистер Мейсон, – если миссис Мейсон что-то решила, лучше это сделать.

– Верно, – подтвердила она. Было видно, что ее терпение

на пределе. – Так что сделай это, пожалуйста.

Даже когда она сердилась, счастье лучилось в уголках ее глаз. Она вышла из класса и удалилась по коридору, весело цокая каблуками.

В нашем городке не набралось бы и тысячи жителей, и, даже спустя два года после того, как папу сократили, рабочих мест осталось не так много. У Мейсонов не оставалось выбора: приходилось работать бок о бок, по крайней мере, пока один из них не решится на переезд. В этом году они пока что держали вооруженный нейтралитет.

Ожидание известия о чем-то скором переезде вносило нотку разнообразия в унылые школьные будни. Мне нравились и мистер, и миссис Мейсон, но, похоже, скоро один из них покинет Дубовый ручей.

Мистер Мейсон закрыл глаза и потер виски большим и средним пальцами. Класс притих. Даже дети понимали, что не стоит раздражать мужчину, находящегося на грани развода.

– Итак, – проговорил мистер Мейсон, поднимая глаза. – Скотти, возьми мои ключи и принеси сюда стол и стул, которые я попросил тебя убрать в кладовку в начале учебного года. Возьми с собой мистера Янгблада.

Скотти подошел к столу мистера Мейсона, взял ключи, потом махнул рукой Эллиотту.

– Это тут рядом, только по коридору пройти, – сказал он, дожидаясь, пока одноклассник вылезет из-за парты.

Смешки рассеялись, как запах наших дезодорантов. Дверь открылась, в помещении повеяло легким ветерком, и все оставшиеся в классе как по команде повернули головы к двери и невольно вздохнули с облегчением.

Мистер Мейсон уронил руки на стол, зашуршав бумагами.

– Руководству придется отменить занятия, не то мы все схлопочем тепловой удар. Вы, ребятки, в такой обстановке не можете сосредоточиться на учебе, и я не могу сконцентрироваться в такой жаре.

– Миссис Маккинстри разрешила нам провести урок английского под большим деревом, что растет между школой и зданием актового зала, – сказал Эллиотт. Его длинные темные волосы от жары и влажности свисали блеклыми паклями. Он стянул их резинкой на затылке в некое подобие пучка, из которого большая часть волос торчала в разные стороны.

– Неплохая идея. Однако, – заметил мистер Мейсон, размышляя вслух, – есть вероятность, снаружи жарче, чем в помещении.

– На улице хотя бы ветерок обдувает, – сказал Скотти, отдуваясь и утирая плечом пот со лба.

Они с Эллиоттом занесли в класс стол. Свободной рукой Эллиотт нес стул и свою красную сумку. Я не заметила, что он ушел вместе с ней, хотя обычно я все подмечала.

Я посмотрела на потолочный вентилятор над головой ми-

стера Мейсона. Веревочки не двигались. Кажется, система кондиционирования все-таки сломалась.

– О, боже, мистер Мейсон, – захныкала Минка, падая грудью на парту. – Я умираю.

Учитель перехватил мой направленный вверх взгляд, посмотрел на вентилятор и встал, поняв, что я вижу то же, что и он. Система вентиляции не работала. Кондиционер сломался, а аудитория мистера Мейсона находилась на солнечной стороне здания.

– Так, все на выход. Здесь скоро станет еще жарче. Вышли, вышли, вышли! – завопил он, видя, что ученики не спешат подниматься с мест, а только непонимающе переглядываются.

Все собрали свои вещи и вывалились в коридор следом за мистером Мейсоном. Учитель велел нам сесть за длинными прямоугольными столами, расставленными в общем зале, а сам отправился искать директрису Огастин.

– Я вернусь, – пообещал мистер Мейсон. – Либо школу закроют, либо мы проведем урок в кафе-мороженом.

Все весело загомонили – все, кроме меня. Я была слишком занята: прожигала взглядом Эллиотта Янгблада. Он сидел рядом со мной, на соседнем стуле, за пустым столом, который я выбрала.

– Ваше высочество, – кивнул мне Эллиотт.

– Не называй меня так, – тихо проговорила я, незаметно озираясь, чтобы посмотреть, не услышал ли кто. Меньше

всего мне хотелось дать своим одноклассникам новый повод для издевок.

Эллиотт придвинулся ближе.

– Какие у тебя следующие уроки? Может, у нас еще есть общие занятия.

– Нету.

– Почему ты так уверена?

– Это благое пожелание.

Раздалось шипение, а потом по громкой связи зазвучал голос школьного секретаря, миссис Розальски.

– Внимание всем учащимся, пожалуйста, выслушайте объявление директора Огастин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.